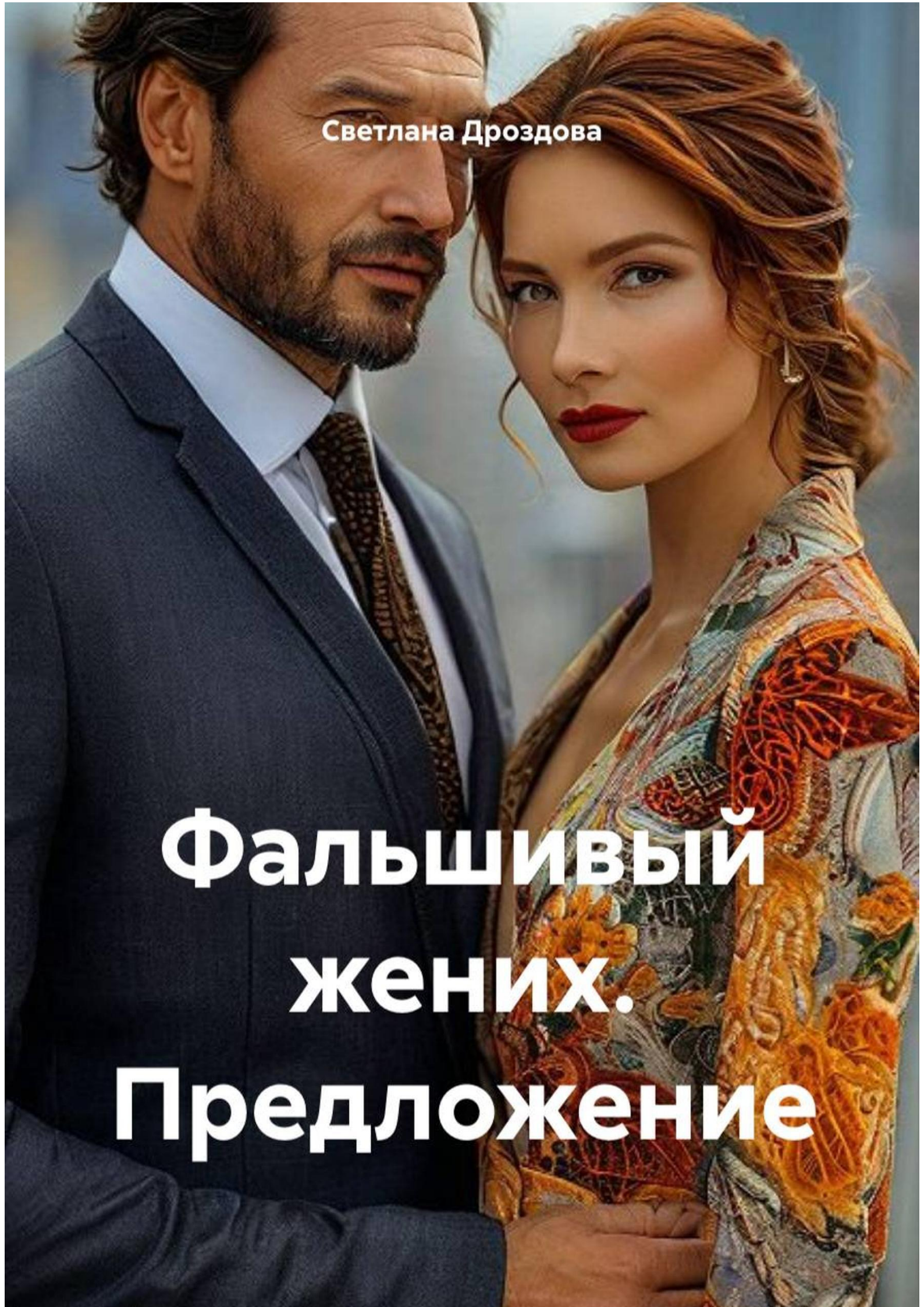

A man with a beard and a woman with red hair are shown in a close-up, intimate pose. The man is wearing a dark suit and a patterned tie, looking towards the woman. The woman is wearing a colorful, patterned dress and looking directly at the camera.

Светлана Дроздова

Фальшивый жених. Предложение

Светлана Дроздова

Фальшивый жених. Предложение

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Фальшивый жених. Предложение / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

В центре сюжета — история двух одиноких людей, заключивших сделку купли-продажи иллюзий. Максим Воронов — циничный и расчётливый девелопер, для которого личная жизнь — лишь статья расходов, мешающая репутации и строительному бизнесу. Ева Лаврова — талантливая актриса, опустившаяся на самое дно и готовая продать собственную душу, чтобы спасти умирающую мать. Их фиктивный брак, прописанный в жёстком контракте и призванный создать образ «идеальной семьи» для акционеров, постепенно перерастает в опасную игру. Когда в этот хрупкий баланс вторгается прошлое Максима в лице его бывшей возлюбленной Алисы, а также давление семьи и бизнес-угрозы, грань между спектаклем и реальностью начинает стираться. Это роман о цене выживания, силе иллюзий и о том, как, играя роли, порой находишь своё истинное «я».

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Фальшивый жених. Предложение

****Глава 1. Стекланный потолок****

****Часть 1. Цена квадратного метра (08:47 – 09:52)****

Пентхаус на шестьдесят втором этаже башни «Воронов Капитал» никогда не спал по-настоящему. Он лишь впадал в режим энергосбережения с полуночи до пяти утра, когда автоматика приглушала подсветку фасада и переводила климат-контроль в экономичный цикл. В пять ноль одна тяжелые шторы из плотного льна разъезжались сами собой, обнажая панорамное остекление во всю стену.

Максим Леонидович Воронов открыл глаза ровно за секунду до того, как первый луч сентябрьского солнца ударил в стекло. Сон для него был такой же статьей расходов, как электричество или логистика — неизбежной тратой времени, которую нужно оптимизировать. Пять часов сорок минут давали организму необходимый минимум перезагрузки без погружения в ту вязкую, иррациональную яму, где людям снятся мертвые родственники или школьные экзамены. Максиму ничего не снилось. Его подсознание состояло из сводок котировок, графиков Ганта и дефектных ведомостей.

Он сел на край кровати идеальной жесткости. Комната была стерильной, как операционная. Никаких семейных фотографий на тумбочке, никаких милых сердцу сувениров из отпуска. Только черный мрамор, хром и единственная деталь, выдающая присутствие живого человека — открытая на последней странице книга о падении династии Медичи. История банкротств интересовала его больше, чем история любви.

Ванная встретила его запахом озона и эвкалипта. Вода в душе была точно под нужным углом, массируя трапеции, которые от постоянного напряжения превратились в камень. Максим провел ладонью по подбородку. Щетина пробилась жесткой солью. Бритье — еще три минуты жизни. Он решил оставить так. Легкая небритость сегодня работала на образ уставшего гения, которому некогда заниматься ерундой перед историческим заседанием совета директоров.

Кофе-машина стоимостью со средний семейный автомобиль в спальном районе Москвы выдала двойную порцию эспresso. Без сахара. Сахар — это быстрые углеводы, туманящие мозг. Максим сделал глоток, глядя на город. Москва лежала внизу серым лоскутным одеялом, прошитым нитями магистралей. Для девяноста девяти процентов населения этот город состоял из эмоций, пробок, усталости и надежд. Для Максима он состоял исключительно из квадратных метров. Земля под застройку, пятна застройки, разрешенная высотность, коэффициент плотности, стоимость входа, прогнозируемая маржинальность выхода. Каждое здание имело свою цену рождения и смерти. И только одно пятно на этой карте было личным — башня, в которой он сейчас стоял. Это была его коронка, его ферзь на шахматной доске города.

На часах высветилось 08:47.

Его гардеробная напоминала цех по пошиву униформы. Двадцать одинаковых темно-серых костюмов-троек, двадцать ослепительно белых рубашек, десять пар ручной работы окс-

фордов. Выбор одежды занимал у Максима четыре секунды. Сегодня он взял костюм с едва заметной голубой нитью — цвет должен был выгодно контрастировать с голубизной его глаз на фотографиях. Фотографии будут. Совет директоров утвердит бюджет нового проекта только если акционеры увидят в нем абсолютную стабильность. А стабильность в их возрасте и с их консервативными ценностями пахла нафталином, гаванскими сигарами и обручальными кольцами.

— Елена Петровна, отмените мой ужин в «Сибири», перенесите звонок с префектурой на одиннадцать вечера и пришлите машину к служебному входу через двенадцать минут, — бросил он в интерком, застегивая запонки.

Сводка новостей на планшете гласила: индекс Мосбиржи открылся умеренным ростом, китайцы снова демпингуют сталь, экологи пытаются оспорить разрешение на строительство объекта «Горизонт». С последними разберется юридический отдел. У них там сидят такие шакалы, что Гринпис вылетит из зала суда вместе со своими исками, забыв дорогу обратно.

Лифт бесшумно скользил вниз. Зеркальные стены отражали безупречный силуэт. Сорок два года. Рост метр восемьдесят девять. Вес восемьдесят пять килограммов — ни грамма лишнего жира, сплошной кортизол и сухой мышечный каркас. Лицо резкое, будто вырубленное из камня стальным зубилом: высокие скулы, жесткий рот, который улыбался примерно раз в квартал, да и то деловыми изданиями. Единственной мягкой чертой были глаза — редкого, почти прозрачного серого цвета, но смотрели они так, словно сканировали сетчатку на предмет благонадежности.

Водитель выскочил открывать дверь черного седана представительского класса.

— Леонид, набережную перекрыли, едем через Замоскворечье, — распорядился Максим, устраиваясь на заднем сиденье. Кожа холодила даже сквозь ткань брюк.

Город за окном жил своей отдельной, суетливой жизнью. Максим не смотрел на людей. Он смотрел на фасады. Вот здесь трещина в монолите, нарушение технологии заливки, подрядчик сэкономил на присадках зимой, лет через пять пойдет течь, собственники начнут суды. Там — незаконная надстройка мансарды, отличный актив для агрессивного поглощения. Он видел город как огромную финансовую таблицу Excel, где каждая ячейка либо приносила доход, либо генерировала убыток.

У центрального офиса корпорации уже собралась небольшая толпа журналистов. Охрана сдерживала их за барьерами. Максим отметил про себя работу PR-отдела: камеры направлены правильно, ракурс подчеркивает масштаб здания. Хорошие кадры стоят дорого. Бесплатные — бесценны.

Вестибюль встретил его гулом кондиционера и запахом дорогого парфюма охраны.

— Доброе утро, Максим Леонидович, — кивнул начальник смены, прикладывая свой пропуск к турникету вслед за гостевым босса, чтобы открыть проход.

Максим лишь слегка наклонил голову в ответ. Он не здоровался первым. Не из высокомерия — просто считал любой вербальный контакт вне переговорной комнаты неэффективной тратой кислорода. Личные отношения внутри компании размывают субординацию. Дружба ведет к кумовству, кумовство — к воровству, воровство убивает бизнес. Эту формулу отец

вбил в него бейсбольной битой, прежде чем проиграть собственную компанию конкурентам и пустить себе пулю в лоб, оставив двадцатидвухлетнему Максиму руины и долги.

Лифт уровня *VIP* вознес его прямо на последний этаж, где располагалась приемная совета директоров.

Елена Петровна, женщина пятидесяти восьми лет с прической эпохи Маргарет Тэтчер и характером легированной стали, подняла взгляд от монитора. Она работала с отцом Макса, потом вытащила сына из долговой ямы, и теперь имела единственное в империи право смотреть на него не снизу вверх, а строго перпендикулярно.

— Акционеры уже в буфете. Штейн пьет чай с лимоном, Кречетов молчит и смотрит на секундомер. Ваш кофе двойной, без сахара, ждет внутри. Папка с допуском по проекту «Семейный квартал» слева. Красная.

— Просмотрите пункт семь точка четыре, — сказал Максим, поправляя галстук перед зеркальной панелью лифта. — Юристы могли смазать формулировку по неустойкам.

— Я просмотрела. Они смазали. Исправленный вариант распечатан сверху.

— Вы незаменимы, Елена Петровна.

— Знаю, Максим Леонидович. Иначе бы вы давно меня уволили ради какой-нибудь длинноногой блондинки с дипломом МВА и полным отсутствием мозга. Начинайте с отчета службы безопасности, они раскопали компромат на поставщика лифтов.

Двери кабинета беззвучно сомкнулись за его спиной.

Огромный овальный стол из карельской березы. Двенадцать кресел. Во главе стола — его место. Монолит власти.

Максим подошел к стене, где висел главный приз сегодняшнего дня — утвержденный архитектурный концепт жилого комплекса «Тихая Гавань». Три тысячи квартир эконом- и комфорт-класса. Десять миллиардов рублей инвестиций. Маржа после реализации — около тридцати процентов. Идеально просчитанный продукт для молодых семей с ипотекой. Проблема была в том, что продавать ипотеку семьям совет директоров хотел человеку, чья личная жизнь напоминала график кардиограммы покойника — ровная линия с редкими всплесками адреналина.

Он опустился в кресло. Нажал кнопку активации столешницы. Из темного дерева выросли сенсорные экраны.

До начала заседания оставалось три минуты.

Максим открыл красную папку. Пробежал глазами титульный лист. «Проект "Семейный квартал". Стратегия позиционирования». На обложке — счастливые родители с двумя детьми запускают бумажный самолетик с балкона.

Максим поморщился. От фальшивой пастели на глянце веяло дешевым мылом. Но именно эта картинка должна была убедить старых волков вроде Штейна расстегнуть кошельки. Волки не верят в бетон. Они верят в инстинкты. В продолжение рода. В гнездо.

Он закрыл папку и посмотрел на свое отражение в черном экране выключенного монитора. Циник. Тиран. Девелопер, которого боятся конкуренты и ненавидят профсоюзы.

И человек, которому сегодня придется доказывать, что ему можно доверить строить дома для чужих детей. Потому что свои у него отсутствуют как класс, а значит, доверять ему нельзя.

****Часть 2. Мясорубка (09:53 – 11:15)****

Акционеры начали входить ровно в 09:53. Ни минутой позже. Опоздание — признак потери контроля над временем, а время — единственный невозполнимый ресурс.

Первым вплыл Аркадий Маркович Штейн. Ему было далеко за семьдесят, но держался он так, словно собирался прожить еще столько же назло всем врачам. Сухой, жилистый, одетый в твидовый пиджак ценой в годовую зарплату среднего менеджера. Штейн представлял старую московскую интеллигенцию, которая случайно оказалась владельцами огромных пакетов акций. Он коллекционировал антиквариат, меценатствовал в Большом театре и искренне полагал, что миром правит вкус, а не деньги. Деньги для него были лишь инструментом поддержания вкуса.

— Максим, душа моя, — пропел Штейн, протягивая сухую, похожую на птичью лапку руку. — Выглядите так, будто лично укладывали арматуру на объекте. Никакого уважения к коллагену.

— Арматура приносит дивиденды, Аркадий Маркович. Коллаген — нет, — ответил Максим, пожимая руку. Хватка старика была неожиданно крепкой.

Следом вошел Игорь Борисович Кречетов. Полная противоположность Штейну. Серый костюм, серый галстук, лицо цвета мокрого асфальта. Кречетов был мажоритарием — человеком, чьего слова хватало, чтобы утопить любую инициативу. Он мыслил категориями угроз и рынков сбыта. Эмоций у Кречетова было меньше, чем у кирпича, зато аналитических способностей хватило бы на весь экономический факультет МГУ.

Остальные члены совета — директора направлений, финансовый директор, глава юридического департамента — рассаживались быстро и тихо, стараясь не скрипеть кожаными креслами. Воздух в комнате загустел. Давление упало, как перед грозой.

Максим занял место во главе стола. Положил руки на матовую поверхность. Спина прямая, плечи развернуты. Позиция хищника, готового к броску, но пока отдыхающего.

— Начнем, — голос Максима заполнил помещение, отсекая любые посторонние звуки. — Повестка дня: утверждение сметы и стратегии вывода на рынок ЖК «Тихая Гавань». Докладывает финансовый блок. Прошу графики на центральный экран.

Заседание пошло по накатанной колее. Финансовый директор, потев под идеально сидящим пиджаком, сыпал цифрами. Себестоимость квадрата, логистические издержки, прогнозы инфляции, налоговая нагрузка. Максим слушал вполуха. Эти цифры он знал лучше своего ИНН. Он следил за лицами.

Штейн пил чай мелкими глотками и шурился на диаграммы. Его интересовало эстетическое соответствие концепции заявленному премиум-сегменту района.

Кречетов постукивал пальцем по столу в такт смене слайдов. Его интересовало только одно: где здесь спрятан риск дефолта.

Доклады сменяли друг друга. Служба безопасности подтвердила чистоту поставщиков. Отдел продаж представил воронку предпродаж — показатели зашкаливали. Все шло слишком

гладко. Максим знал: когда все идет гладко, акционеры начинают скучать. А скучающий акционер — самый опасный зверь в саванне. Ему становится мало денег, ему хочется интриги.

— Благодарю, коллеги, — Максим нажал кнопку, гася экраны. Столешница снова стала просто деревом. — Проект рентабелен, риски минимизированы. Бюджет прошу утвердить открытым голосованием. Кто за?

Руки начали подниматься. Первым уверенно вскинул пятерню Кречетов. За ним — остальные. Штейн медлил. Он помешивал ложечкой остывший чай, хотя сахар туда никто не клал. Звук металла о фарфор действовал на нервы сильнее дрели за стеной.

— Подождите, господа, — мягко произнес Штейн, и рука Кречетова замерла в воздухе. — Прежде чем мы бросим эти миллиарды в землю, я хочу уточнить одну деталь. Чисто... человеческую.

Вот оно. Максим мысленно выдохнул. Он ждал этого вопроса не на этом заседании, так на следующем. Рано или поздно старая гвардия всегда вытаскивает скелет из шкафа. Просто обычно они делают это в курительной комнате, намеками. Штейн предпочитал публичную экзекуцию.

— Весь мир трясет, Максим, — продолжил Штейн, обращаясь почему-то не к Максу, а ко всему столу. — Банки закрываются, криптовалюты лопаются как пузыри. Люди напуганы. Человек боится вкладывать последние деньги в бетон, если не чувствует за этим бетоном чего-то... вечного.

— Вечного? — переспросил Максим, чуть приподняв бровь. — Аркадий Маркович, наш фундамент рассчитан на сто пятьдесят лет. Что может быть вечнее?

— Семья, душа моя. Семья. Посмотрите на наших конкурентов. Группа «СтройВек». Их генеральный позирует с женой-балериной и тремя ангелочками. Журнал «Forbes», обложка прошлого месяца. Продажи в их новом квартале взлетели на сорок процентов только за счет интервью, где он рассказывает, как читает детям сказки на ночь. Людям нужен патриарх. Отец семейства. Тот, кому есть что терять кроме акций.

Кречетов кашлянул. Этот звук был лишен физиологии — так щелкает предохранитель.

— Аркадий говорит грубо, но по существу, Максим Леонидович, — вступил мажоритарий. Его серые глаза лишились последних признаков сна. — Мы провели закрытый опрос фокус-групп. Целевая аудитория «Тихой Гавани» — люди от двадцати восьми до сорока. Женщины составляют более шестидесяти процентов принимающих решение о покупке. Психологический профиль нашей покупательницы: она ищет надежности. Слово «девелопер» ассоциируется у нее с обманом и недостроем. Словосочетание «женатый девелопер» добавляет к слову надежность плюс тридцать пунктов. Ваше текущее гражданское состояние...

— Холост, — закончил за него Максим. Голос стал ниже на полтона, в нем зазвенел металл. — Это указано в моей анкете при приеме на должность, Игорь Борисович. Раздел «Общие сведения».

— Анкетные данные устарели, — отрезал Кречетов. — Прошло три года. Ваша последняя пассия, насколько мне докладывала служба протокола, покинула страну полгода назад. Сейчас ваше имя в светской хронике связывают исключительно с моделями нижнего белья и вице-президентом банка-конкурента. Это создает фон нестабильности. Репутационный риск. Если завтра выйдет статья о вашей очередной вечеринке на яхте, ипотечники занервничают. Банк-партнер может пересмотреть ставку фондирования. Один процент ставки на объеме в

десять миллиардов — это сто миллионов убытков в год. Вы готовы покрыть их из своего кармана, Максим?

Это был удар под дых. Прямой, запрещенный правилами вежливого корпоративного бокса, но абсолютно законный. Кречетов перевел стрелки с морали на деньги. Единственный язык, который Максим понимал безусловно.

— Моя личная жизнь не имеет отношения к марке бетона, — процедил Воронов. Он почувствовал, как желваки заходили под кожей. Ненависть к ситуации была физически ощутимой, горькой, как желчь. Он контролировал всё: погоду на стройплощадке, курс валют, аппетиты чиновников. Но контролировать сплетни о том, с кем он просыпается, было невозможно.

— Еще как имеет, — ласково прошелестел Штейн. — Вы строите жилье для ипотеки. А ипотека — это доверие банку на двадцать лет. Кто даст вам в долг на два десятилетия, если думает, что вы можете завтра влюбиться, бросить руль и уехать на Бали писать картины? Или, не дай бог, погибнете на очередном свидании, свалившись с собственной яхты, и компания останется без рулевого? Нам нужна преемственность. Жена — это символ преемственности. Дети — это гарантия того, что империя не развалится после вашего инфаркта. Вы хотите, чтобы проект века зарубили из-за того, что совет посчитал вас легкомысленным прожигателем жизни?

Максим медленно откинулся на спинку кресла. Он оглядел лица вокруг стола. Директор по маркетингу изучал свои ногти. Финансовый директор делал вид, что крайне заинтересован узором ковролина. Никто не вступится. Он один против стаи. И самое унижительное — стая права. По законам их животного мира самец без пары — это угроза. Одиночка подозрителен. Одиночка эгоистичен. Одиночка может забрать деньги и раствориться. Семейный человек сидит в ловушке обязательств. Он предсказуем. Им легче управлять.

— То есть мое личное счастье теперь является КРІ отдела продаж? — спросил Максим. Сарказм повис в воздухе и разбился о невозможность Кречетова.

— Ваше публичное восприятие — да, — кивнул мажоритарий. — Мы не лезем в вашу спальню, Максим Леонидович. Нам плевать, кого вы там держите, мужчину или женщину. Нас интересует пресс-релиз. Нам нужна красивая, умная, породистая жена рядом с вами на презентации «Тихой Гавани» через две недели. Нужна легенда о великой любви, которая заставит наши целевые семьи поверить, что в этих квартирах их дети будут в безопасности. Вы понимаете задачу, Максим?

Молчание в кабинете стало густым, как эпоксидная смола.

Максим смотрел прямо в серые глаза Кречетова. Внутри него бушевала буря, но снаружи он оставался статуей. Признать поражение значило отдать им рычаг давления навсегда. Они поймут, что нашли его болевую точку. Нет. Ответ должен быть асимметричным. Нужно принять правила игры, но сделать их своими.

— Две недели, — повторил Максим. — Презентация четырнадцатого сентября.

— Именно, — подтвердил Кречетов.

— Хорошо, — Максим медленно кивнул. Уголок его губ дернулся в подобии улыбки, от которой финансовому директору захотелось перекреститься. — Я решу этот вопрос.

— Решите окончательно? — уточнил Штейн, подавшись вперед. В глазах старика впервые мелькнул живой интерес.

— Окончательнее некуда, Аркадий Маркович. Можете считать, что брачное свидетельство будет приложено к пакету разрешительной документации. Заседание окончено. Жду ваших голосов по бюджету.

Он встал. Акционеры переглянулись. Они ожидали сопротивления, торга, возможно, скандала. Получили холодный приказ продолжать работать.

Кречетов первым поставил подпись в протоколе. Остальные, помедлив, потянулись следом.

Когда за последним членом совета закрылась дверь, Максим остался стоять посреди огромного кабинета. Солнечный луч переместился по паркету и теперь освещал макет «Тихой Гавани». Маленькие пластиковые человечки, идущие по нарисованным дорожкам. Символ стабильности. Символ доверия. Симптом рака, который сожрет его свободу.

Максим подошел к окну. Город внизу казался отсюда грязной лужей. Впервые за пятнадцать лет Максим Воронов, человек, скупивший половину столицы, почувствовал себя запертым в тесной клетке. И ключ от этой клетки находился в отделе ЗАГС.

****Часть 3. Анатомия сделки (11:16 – 12:30)****

Он вернулся за стол не сразу. Сначала подошел к встроенному в стену бару. Достал тяжелый хрустальный стакан. Налил на два пальца тридцатилетнего односолодового виски. Алкоголь он употреблял редко — спиртное снижало скорость нейронных связей, превращая стратега в обывателя. Но сегодня требовалось выжечь кислотой тот липкий осадок унижения, который оставили после себя Штейн и Кречетов.

Жена.

Слово казалось чужеродным в его лексиконе. Последняя женщина, задержавшаяся в его пентхаусе дольше чем на неделю, сбежала после того, как попыталась переставить мебель в гостиной. Максим тогда молча вызвал ей такси бизнес-класса и заблокировал карту, которой она пыталась расплатиться в бутике, еще до того, как машина отъехала от подъезда. С тех пор периметр его личной жизни охранялся строже, чем серверная комната Центробанка.

Вариант с эскортницами отпадал мгновенно. Кречетов упомянул службу протокола незря. Безопасность копает глубоко. Девочка по вызову сломается на первом же вопросе юриста из банка-партнера о том, где прошло ее детство. Вариант с актрисами тоже плох — эти продадут эксклюзивное интервью журналу «СтарХит» раньше, чем высохнут чернила в брачном договоре. Ему нужен был кто-то реальный. Настолько реальный, чтобы тени от ресниц дрожали неподдельно, когда фотовспышки ослепят ее на красной дорожке презентации.

Максим сделал глоток. Обжигающая жидкость провалилась в желудок.

Кто?

Он начал методично перебирать контакты в голове, фильтруя их через критерии жесточайшего отбора.

Критерий первый: отсутствие амбиций в шоу-бизнесе и блогинге. Абсолютная медиатемнота.

Критерий второй: интеллект выше среднего. Она должна уметь поддержать разговор с министрами на фуршете, не перепутав макроэкономику с диетой Дюкана.

Критерий третий: наличие собственных проблем, требующих срочного финансового решения. Любовь купить нельзя, но аренду квартиры, оплату операции матери или закрытие долгов перед ростовщиками — вполне. Сделка работает только тогда, когда обе стороны находятся в отчаянии.

Критерий четвертая: нулевые связи с его конкурентами. Полная проверка службой безопасности.

Список сужался до неприличия быстро. Мир богатых наследниц отмело сразу — дочери партнеров захотят войти в семью по-настоящему, а развод в их кругу стоит дороже войны. Мир амбициозных провинциалок, штурмовавших столицу, тоже исключался — они слишком цепляются, принимают условия договора за начало настоящей охоты на олигарха.

Нужна профессионалка. Но не та, что лежит на спине. Та, что умеет играть роли. Антрополог. Переговорщик. Актриса драматического театра, которой не повезло с типажом. Аспирантка юрфака, увязшая в кредитах.

Максим поставил стакан. Взял пульт, включил селектор:

— Елена Петровна. Зайдите.

Секретарь вошла спустя сорок секунд. В руках неизменный планшет. Взгляд ясный, оценивающий. Она знала шефа настолько хорошо, чтобы понять: утренний вызов после совета означает, что горит земля.

— Закрывайте дверь. Садитесь, — Максим указал на стул для посетителей. Сам он остался стоять, меряя шагами ковер. — Мне нужна женщина.

Елена Петровна никак не отреагировала на провокационную прямоту. Лишь достала ручку.

— Срок контракта? Параметры внешности? Уровень допуска к информации? — деловито уточнила она.

— Срок — до завершения интеграции «Тихой Гавани» в портфель активов. Ориентировочно полтора-два года. Потом тихий, цивилизованный развод. Алименты прописываем фиксированной суммой, не привязанной к прибыли, чтобы исключить шантаж. Внешность... презентабельная. Рост от ста семидесяти, волосы темные или русые — светлые вызывают ассоциации с куклами, рыжие слишком кричат. Манеры — без истерик. Интеллект — способность прочесть балансый отчет и не упасть в обморок. Главное условие, Елена Петровна: она должна согласиться на брачный договор, написанный моими юристами. Документ будет беспрецедентно жестким. Любая попытка претендовать на имущество, рожать детей сверх договоренности или давать интервью после развода карается штрафом, превышающим сумму сделки в десять раз.

Секретарь записывала, не моргая.

— Бюджет на покупку контракта? — спросила она.

— Миллион долларов США одновременно после регистрации брака. Плюс полное содержание. Резиденция в Серебряном Бору, охрана, карты премиального уровня. Лимит на шопинг ограничим разумными цифрами, скажем, двести тысяч в месяц, чтобы не атрофировалась. Машина. Обучение, если потребуется. После развода — выплата неустойки в два миллиона. Если выполнит все условия и исчезнет из моей жизни без пыли — добавлю премию. Итого: честная сделка купли-продажи социального статуса.

— Поиск вести среди эскортниц высокого полета или театральной среды?

— Исключить обеих. Первые глупы и болтливы. Вторые считают себя недооцененными звездами Шекспира. Ищите среди референтов, личных ассистентов крупных корпораций, юристов младших звеньев. Девушек с хорошим образованием, модельной внешностью и безнадежной кредитной историей. Мне нужны те, кому нечего терять, но есть что скрывать. Проверьте базы данных коллекторских агентств неофициально. Найдите мне десяток кандидатур к вечеру.

Елена Петровна остановила запись. Подняла глаза.

— Максим Леонидович. Простите мою дерзость. Но фиктивный брак такого уровня прозрачности для окружающих — химера. Горничные, водители, охрана, соседи. Информация утечет. Шантаж начнется еще до свадьбы. Любой обиженный сотрудник сольет историю бульварной прессе за сумму, меньшую вашего бюджета на обед. Вы рискуете получить репутационный ущерб вдвое больший, чем если бы вышли на презентацию с любовницей-моделью.

Она озвучила его собственный ночной кошмар. Максим остановился напротив окна. Отражение Елены Петровны наложилось на панораму города.

— Значит, нам нужно обеспечить идеальную легенду, — спокойно ответил он. — Пусть утекает. Пусть пишут. Мы дадим им ровно столько мяса, сколько нужно для статьи формата «Светская хроника». Совместные завтраки в проверенных ресторанах, пару прогулок в парке Горького под прицелом случайных папарацци, которых заранее оповестит наша пресс-служба. Она должна научиться плакать на моем плече по команде. Я научусь целовать ее в висок перед камерами. Это всего лишь механика, Елена Петровна. Биомехатроника высшего порядка. Вопрос цены и качества исполнения.

— Механика дает сбой, — возразила секретарь. — Люди имеют свойство привыкать к теплу. Стокгольмский синдром никто не отменял. Вы пускаете чужого человека в центр вашей орбиты. Даже если это временный спутник, гравитация может изменить траекторию планеты.

— У спутника не будет двигателей. Я выжгу их в контракте, — жестко отрезал Максим. — Ищите, Елена Петровна. Копайте глубже. Мне плевать, бежит ли она от мужа-тирана, спасает ли брата-наркомана от тюрьмы или просто хочет выкупить бабушкину квартиру у банка. Мне нужен ее грех. Ее уязвимость. Чем грязнее ее секрет, тем чище будет держать спину перед моими акционерами. Свободны. Через два часа жду короткий список.

Елена Петровна вышла. Максим остался один.

Он подошел к своему рабочему столу, выдвинул верхний ящик. Достал оттуда тонкую пластиковую карточку — образец пропуска жителя «Тихой Гавани». На белом пластике была напечатана идилическая картинка: счастливая семья несет коробки с надписью «Дом» к подъезду.

Максим перевернул карточку. На обратной стороне мелким шрифтом шел текст пользовательского соглашения.

Идеальная метафора. Жизнь — это просто лицензионный договор с правом пролонгации.

Он с силой сжал пластик в пальцах. Карточка жалобно хрустнула.

Если для того, чтобы продать тысячу таких карточек настоящим семьям, ему придется разыграть спектакль одной фальшивой семьи, он сделает это. Он лучший девелопер в стране. Он знает, как строить надежные конструкции на гнилом фундаменте.

Главное — не начать верить в чертежи самому.

****Часть 4. Архитектура лжи (12:31 – 14:00)****

Елена Петровна вернулась через час сорок пять. Время она рассчитала с точностью швейцарского хронометра — дала юристам подготовить шаблон самого циничного брачного договора в истории российского семейного права, а службе безопасности — запустить негласный скрининг баз данных.

Она положила на стол перед Максимом тонкую синюю папку. Всего три листа распечаток.

— Пятнадцать кандидатур, соответствующих вашим первичным запросам, отсеялись на этапе проверки психотипа, — сухо доложила секретарь. — Либо латентная истероидность, либо непреодолимая тяга к романтизации быта. Оставшиеся пять прошли фильтр службы безопасности. У всех чистые налоговые декларации за последние пять лет, нет связей с вашими бизнес-противниками, нет активных аккаунтов в социальных сетях, кроме закрытых профилей для друзей. Я составила рейтинг по шкале «отчаяние/управляемость». На первом месте — номер один.

Максим придвинул папку к себе. Открыл первый лист.

Черно-белая фотография паспортного типа. Девушка смотрит в камеру исподлобья. Темные волосы собраны в тугий пучок, очки в строгой оправе съехали на кончик носа. Лицо усталое, но черты правильные — высокие скулы, четко очерченная линия подбородка. В ней не было глянцевого блеска, той тошнотворной лакированности, которой обучают на курсах жен миллионеров. Она выглядела... настоящей. Настоящей до зубной боли.

Воронцов Максим Леонидович, 42 года. Генеральный директор ГК «Воронов Капитал».

Сабурова Анна Викторовна, 27 лет. Старший юристконсульт ООО «ТрансЛогистик-Групп». Транспортная компания средней руки, занимающаяся железнодорожными перевозками сельхозпродукции.

Максим пробежал глазами краткую справку. Компания Сабуровой находится в процедуре банкротства. Долги перед лизингодателями вагонов, иски от фермерских хозяйств, задолженность по зарплатам. Сама Сабурова проходит свидетелем по делу о мошенничестве бывшего гендиректора, который успел вывести активы и скрыться в Дубае. Чистое совпадение профиля: девушка держится зубами за карьеру, пытается спасти остатки чести фирмы, получает копейки и живет в съемной студии на окраине.

— Почему она на первом месте? — спросил Максим, не отрывая взгляда от фото.

— Управляемость через профессиональный кодекс, — ответила Елена Петровна. — Она классический трудоголик-перфекционист. Из хорошей, но бедной профессорской семьи из Новосибирска. Мать — библиотекарь, недавно перенесла сложную операцию на сердце, счета за реабилитацию съедают всю пенсию. Кредит за обучение в МГЮА закрыт досрочно самой Анной — жила на дошираке. Характеристики с мест работы блестящие: въедливая, дотошная, спит по четыре часа. Но есть нюанс. В «ТрансЛогистик» ее подставили. Нынешний конкурсный управляющий считает ее сообщницей старого директора из-за того, что она подписывала платежки по его распоряжению. Ей грозит уголовное преследование. Денег на адвоката экстра-класса у нее нет. Она в тупике. Предложение в миллион долларов решит все ее проблемы

одним днем: закроет адвокатов, оплатит клинику матери и позволит начать жизнь с чистого листа после развода. Она подпишет договор не глядя. Для нее это не унижение, это спасение.

Максим откинулся в кресле. Холодный расчет секретаря вызывал профессиональное восхищение. Елена Петровна нашла идеальный инструмент. Инструмент, который не сломается, потому что понимает: малейшая поломка отправит ее прямиком на скамью подсудимых.

— Что говорит служба безопасности? — уточнил Воронов.

— Ничего криминального. Курит ментоловые сигареты — пачка в день. Иногда позволяет себе бутылку вина вечером, когда проигрывает дело в арбитраже. Пьет много кофе. Раз в месяц ездит к матери в Королёв на старой «Королле», которая дышит на ладан. Бойфренда нет уже полтора года. Последний роман закончился изменой партнера, замужем не была. Детей нет. Абортов в анамнезе нет. Медицински здорова. Психологически стабильна, уровень тревожности повышен пропорционально сумме ее долгов. Идеальный кандидат, Максим Леонидович. Она ненавидит мужчин своего круга за трусость и жадность. Вас она будет бояться и уважать. Бояться — значит, не полезет с объятиями на первой неделе.

— Где она сейчас?

— Вызвана на допрос в ОБЭП Центрального округа. Через сорок минут освободится. Я взяла на себя смелость забронировать столик в ресторане «Высота» в башне «Федерация». Вид на город, нейтральная территория. Формат — деловой обед. Приглашение я уже написала от вашего имени. Текст максимально сухой: «Анна Викторовна, ознакомилась с вашим резюме через общих знакомых. Есть предложение о сотрудничестве конфиденциального характера. Требуется обсудить детали лично. Время и место закреплены».

Максим усмехнулся. Елену Петровну действительно пора было делать партнером. Она упаковала продажу женщины в формат слияния и поглощения компаний.

— Резюме перешлите мне на почту, — приказал он. — Всю подноготную. До обеда успею пробежать. Встречу подтверждать. Водителю скажите, чтобы подал машину к тринадцати ноль-ноль. Цветы исключить. Подарки исключить. Взгляд держать жесткий, сидеть вполоборота. Я покупаю функцию, а не тело.

— Поняла. Осмелюсь дать еще один совет. Подготовьте одежду для второго уровня.

— Что это значит? — нахмурился Максим.

— Для встречи с акционерами вы выбрали броню. Теперь вам нужно снять латы. На встрече с ней будьте в кашемировом свитере вместо галстука. Покажите микротрещину. Она должна почувствовать, что вы тоже немного загнаны в угол обстоятельствами. Хищники быстрее идут на контакт, если показать им каплю крови. Свою.

Максим посмотрел на секретаршу долгим взглядом.

— Вы чудовище, Елена Петровна.

— Поэтому вы платите мне больше, чем президент страны, — парировала она, собираясь выйти. — Да, Максим Леонидович. И позвоните матери. Просто спросите, как ее давление. Это бесплатно, но очень хорошо продается на фотографиях для журналов.

Дверь закрылась.

Максим сидел в тишине, нарушаемой только гулом вентиляции. Он открыл файл с полным досье Анны Сабуровой.

Детство. Золотая медаль. Переезд в Москву. Общежитие. Первая работа курьером в суде. Кредиты. График платежей. Просрочки.

Фотография матери — полная, мягкая женщина с добрыми глазами, удивительно похожая на саму Анну, только уставшая до состояния пергамента.

Девушка защищала магистерскую диссертацию по теме «Правовое регулирование процедур несостоятельности (банкротства)». Сама находясь в центре процедуры банкротства собственной карьеры. Горькая ирония.

Максим пролистал фотографии. Вот она в зале суда — сжимает папку так, что побелели костяшки. Вот выходит из метро «Беляево» — сгорбленная, кутается в дешевое пальто, невидимая для толпы. Вот редкое фото с какого-то корпоратива — смеется, запрокинув голову. Зубы неровные, но улыбка обезоруживающая. Живой человек. Не манекен.

Он закрыл ноутбук.

Подошел к бару, убрал недопитый виски. Налил воды. Выпил залпом.

Елена Петровна права насчет одежды. Броня пугает слабых. А ему нужно, чтобы она согласилась. Чтобы ее пальцы не дрожали, когда она будет ставить подпись под пунктом о неразглашении суммы сделки.

Максим подошел к шкафу. Отодвинул ряд строгих костюмов. Достал темно-серый джемпер из мягчайшей шерсти викуньи. Никаких логотипов. Минимум агрессии.

Сегодня он придет на встречу не как император стальной империи. Сегодня он придет как коллега-юрист, предлагающий сделку с дьяволом такому же проклятому человеку.

Он взглянул на часы. 13:52.

До встречи оставалось восемь минут.

Впервые за долгие годы Максим Воронов почувствовал нечто похожее на мандраж. Не страх перед советом директоров, не ужас перед многомиллионными убытками. А странное, забытое ощущение неопределенности. Он не знал, что скажет этой девушке, когда она посмотрит ему в глаза поверх меню.

Все сценарии переговоров рассыпались. Контракты молчали. Впереди была неизвестность, и она пахла не свежей краской новостроек, а дождем, дешевой помадой и отчаянной

****Часть 5. Точка невозврата (14:01 – 15:30)****

Ресторан «Высота» вращался медленно, почти незаметно для глаза, совершая полный оборот за час. Город внизу — муравейник из стекла, бетона и неоновых жил — полз своим чередом, равнодушный к судьбам тех, кто смотрел на него сверху. Максим сидел за столиком у панорамного окна уже двадцать минут.

Он пришел раньше намеренно. Ему нужно было изучить геометрию пространства, слепые зоны камер наблюдения официантов и траекторию движения солнца. Солнце сейчас било в стекло под углом, заставляя щуриться любого, кто сядет напротив. Мелкая деталь, дающая преимущество в доли секунды при оценке микромимики собеседника.

Официант в белой перчатке бесшумно поменял третий раз переставленный бокал воды.
— Желаете аперитив, пока ждете гостя? — спросил он голосом, лишенным интонаций.
— Нет. Жду даму, — отрезал Максим.

Его взгляд снова упал на двери литового холла. Сердце — орган, который он привык считать рудиментарным придатком к мозгу — сделало странный кульбит. Это была не влюбленность. Это был чистый адреналин игрока, делающего ставку ва-банк на неизвестную лошадь. Он знал о Сабуровой всё: номер ее СНИЛС, остаток долга по кредитной карте «Тинькофф», марку тампонов в ванной ее съемной студии и диагноз матери — стеноз митрального клапана второй степени. Но он понятия не имел, как пахнет ее кожа и не скрипят ли у нее зубы от злости, когда она проигрывает спор.

Двери лифта разъехались.

Она вошла не так, как входят женщины, идущие продавать себя за миллион долларов. Не шла павой, играя бедрами. Не стреляла глазами по сторонам в поисках спонсора. Она вошла быстро, чуть сутуля плечи, словно пробивая собой сопротивление воздуха. Дешевое шерстяное пальто мышиного цвета, волосы стянуты в небрежный узел на затылке, из которого выбились темные пряди. Никакой косметики. Очки в той же строгой оправе, что и на фото досье. В руках — огромная кожаная сумка-портфель, распухшая от бумаг, которая была ее по колену при каждом шаге.

Максим наблюдал, как метрдотель преградил ей путь. Девушка начала что-то тихо, но твердо объяснять, доставая телефон. Наверняка показывает СМС-приглашение. Елена Петровна сработала чисто.

Она приближалась к столу. Максим видел, как она оценивает его профиль. Профессиональный навык юриста — мгновенно считывать статус оппонента по крошечным деталям: часы *Patek Philippe* под манжетой свитера, идеальная осанка, стрижка, стоившая больше ее месячной аренды. Она поняла, что попала не просто к крупному боссу. Она попала к акуле другого океана.

Девушка остановилась в двух шагах от стола. Сумка соскользнула с плеча и глухо ударилась о паркет.

— Анна Викторовна? — голос Максима прозвучал ровно, без вопросительной интонации. Утверждение факта.

Она вздрогнула. Посмотрела прямо на него. Ее глаза оказались огромными, темно-кариыми, почти черными. И в них плескался такой первобытный, животный страх пополам с яростью загнанного зверя, что Максим на секунду забыл заготовленный сценарий.

— Если это шутка ваших пиарщиков или коллег из транспортного цеха, то очень неудачная, — произнесла она низким, слегка хрипловатым голосом. — У меня через сорок минут продление меры пресечения в Замоскворецком суде. Либо говорите, зачем позвали, либо я ухожу. Меня ждут приставы.

Никаких реверансов. Никаких попыток понравиться. Только сжатые до белизны губы и пульсирующая венка на шее. Она действительно была на грани. Отчаяние Елены Петровны оказалось математически точным.

— Присаживайтесь, — Максим легким кивком указал на кресло. — Ваши приставы ждут. Я перекупил ваше время. Буквально.

Она стояла неподвижно. Затем медленно, будто преодолевая невидимое давление, опустилась в кресло. Портфель она втянула следом, поставив его между своими ногами, как щит.

Официант материализовался рядом.

— Даме эспresso. Двойной, — сказал Максим, даже не взглянув на спутницу. — Мне повторить воду.

— Черный чай, — бросила девушка официанту. — Лимон отдельно. Сахар не нужен. И принесите пепельницу, если здесь травить людей еще разрешено.

Максим позволил себе едва заметную усмешку. Ментоловые сигареты. Досье не вралю.

Когда официант отошел, она наконец сняла очки. Потерла переносицу двумя пальцами. Без оптики ее лицо стало уязвимым, совсем юным.

— Вы Воронов, — сказала она. Это тоже звучало не как вопрос. — Максим Воронов. Тот самый.

— Обычно добавляют эпитеты, — сухо заметил Максим. — Кровопийца, застройщик-душител ь старой Москвы, серый кардинал...

— Я экономлю слова, они мне сегодня понадобятся в суде, — она посмотрела на свои руки. Лак на ногтях облез, один палец заклеен пластырем. — Итак. Что означает «сотрудничество конфиденциального характера»? Вы хотите скупить земли моего бывшего директора? Или вам нужен юрист, чтобы отжать чью-то квартиру? Учтите, рейдерские захваты — не мой профиль. Я работаю в поле арбитражного права.

В ней не было страха перед его миллиардами. Перед ней стоял человек, чей мир рушился по кирпичику, и пугать ее потерей работы было бессмысленно — работу она уже потеряла. Это делало ее идеальной кандидатурой и одновременно невероятно опасной. Человеку, которому нечего терять, плевать на пункты договора.

Принесли напитки. Чай источал резкий запах бергамота. Максим дождался, пока официант отойдет на безопасное расстояние.

— Мне нужна жена, — произнес он буднично, размешивая несуществующий сахар в воде.

Анна замерла с чашкой чая на полпути ко рту. Пальцы, сжимающие тонкий фарфор, побелели.

— Простите?

— Супруга. Законная. Регистрация брака в органах ЗАГС. Срок контракта — два года с возможностью пролонгации по взаимному согласию, — Максим говорил тем же тоном, каким обсуждал смету на заливку фундамента. — Оплата производится траншами. Первый — эквивалент одного миллиона долларов США наличными или переводом на защищенный счет сразу после проставления штампа в паспорте. Далее — полное содержание, резиденция, транспорт, охрана. После расторжения брака по истечении срока — компенсационная выплата в размере двух миллионов. Нюансы прописаны в брачном договоре. Проект документа лежит у вашего подъезда в машине моей охраны вместе с частным адвокатом, который ответит на любые вопросы. Вам нужно только подписать.

Воцарилась тишина. Было слышно лишь тихое гудение механизма вращения ресторана и звон ложки, которой бариста размешивал кофе на соседнем столе.

Анна смотрела на него так, словно он предложил ей продать почку на черном рынке. Сначала на ее лице отразилось недоумение. Затем — подозрение.

— Вы псих, — констатировала она. Голос стал опасно тихим. — Извращенец? Вам нужны ролевые игры? БДСМ-сессии с элементами свадебной церемонии? Господин Воронов, я старший юрисконсульт. Я знаю Уголовный кодекс. Шантаж и принуждение...

— Читайте дальше, Сабурова, — перебил он. — Статья сто тридцать третья УК РФ неприменима, потому что отсутствует объект сексуального удовлетворения с вашей стороны. Я не собираюсь вступать с вами в интимную связь ни во время брака, ни до, ни после. Наш союз будет асексуальным. Платоническим. Театральной постановкой для публики.

— Зачем? — выдохнула она. — На кой черт самому завидному холостяку страны... Хотя какой холостяк, вы же кобель... Зачем вам фиктивная жена? Налоговый вычет? Право на усыновление ребенка из Африки?

— Репутационный риск, — холодно ответил Максим. — Моим акционерам не нравится, что главный девелопер страны спит с кем попало. Им нужен отец семейства. Лицо бренда. Гарантия того, что я не сбегу с кассой компании в бордель. Ваш портрет идеально вписывается в их представление о надежности. Умная, серьезная, непубличная. Вы прикроете мою спину на презентации проекта стоимостью в десять миллиардов. Взамен я решаю все ваши финансовые проблемы одним росчерком пера. Это чистая сделка. Купля-продажа статуса.

Анна откинулась на спинку кресла. Она сняла заколку, тряхнула головой, рассыпая волосы по плечам, и тут же зло собрала их обратно дрожащими руками.

— Вы предлагаете мне проституцию, — прошипела она. — Высшего разряда, с бонусами и медицинской страховкой, но сути это не меняет. Продать тело недостаточно, теперь продают весь фасад жизни.

— Я предлагаю вам сделку, — жестко парировал Максим. Наклонился вперед, упираясь локтями в стол. Его личное пространство физически давило на нее. — Ваша мать умирает в Королёве, потому что лучшие кардиологи стоят денег. Вашу карьеру уничтожили, повесив на вас чужие грехи. Конкурсный управляющий ищет крайнего, и этот крайний — вы, потому что ваша подпись стоит на платежках. Вас выпотрошат в суде, лишат лицензии адвоката, а возможно, и посадят. Мой договор дает вам иммунитет. Миллиона долларов хватит, чтобы закрыть долги фирмы, вытащить вашу задницу из-под уголовной статьи и оплатить матери операцию хоть в Израиле. Два миллиона после развода позволят вам никогда больше не работать на идиотов. Подумайте, Анна. Чистый разум против гнилого пафоса. Где здесь проституция? Я покупаю ваш интеллект и ваше молчание. А внешность идет бесплатным приложением.

Каждое его слово было гвоздем, вбиваемым в крышку гроба ее сопротивления. Он бил точно по открытым ранам. Лицо девушки исказилось. Она резко схватила свою сумку, растегнула молнию внутренней подкладки с такой силой, что чуть не вырвала бегунок. Достала помятую пачку сигарет и дешевую зажигалку.

— Здесь нельзя курить, — напомнил Максим.

— Да пошел ты, — она щелкнула колесиком. Зажигалка дала искру, но пламя не появилось. Руки ходили ходуном. — Черт... черт!

Максим молча взял со стола тяжелую настольную спичку из набора для коньяка. Чиркнул о коробок. Ровный желтый огонек осветил снизу его лицо, сделав черты похожими на демоническую маску. Он протянул огонь девушке.

Анна затаилась так глубоко, словно хотела выжечь легкие. Выпустила дым носом. Закашлялась — организм отвык от такого количества никотина.

— Почему я? — спросила она, глядя сквозь дым. — В Москве тысячи голодных моделей. Актрис. Светских львиц. Они бы дрались за этот контракт зубами.

— Модели требуют внимания. Актрисы начинают верить, что они Джульетты. Львицы хотят войти в прайд, — Максим забрал у нее спичку и потушил. — Вы единственная, кому плевать на меня. Вы единственная, кто возьмет деньги и уйдет в ту же ночь, как только штамп позволит забрать ключи от банковской ячейки. Мне не нужна любовь, Сабурова. Мне нужен бронежилет. А вы сделаны из титановых сплавов отчаяния. Идеальный симбиоз.

Официант принес счет, хотя они ничего не заказывали из еды. Максим положил на кожаную папку черную карту *American Express Centurion*.

— Время вышло, — сказал он, вставая. Краем глаза он заметил, как Анна инстинктивно дернулась проверить время на экране телефона. — Судебные приставы не любят ждать. Особенно такие принципиальные, как те, что ведут ваше дело. Решайте. Прямо сейчас. Да или нет. Если скажете «да», внизу вас ждет автомобиль. Если «нет» — оплачивайте свой чай сами и идите сдаваться. Выбор за вами.

Он развернулся и пошел к выходу из зала. Шаг ровный, спина прямая. Ни разу не обернувшись.

Это был высший пилотаж манипуляции. Оставить жертву одну с дымящейся сигаретой, панической атакой и предложением, которое звучит как спасение. Нельзя давить до конца. Нужно дать иллюзию свободы воли.

Максим прошел через холл к лифтам. Нажал кнопку вызова.

За спиной раздался быстрый, нервный стук каблуков по паркету.

— Стоять, — выдохнула она ему в затылок.

Он медленно повернулся.

Анна стояла посреди пустого коридора. Пальто распахнуто, волосы окончательно растрепались, на бледной щеке краснело пятно от подушки — видимо, проспала суд. В руке она все еще сжимала погасшую сигарету.

— Договор, — прохрипела она. — Я хочу видеть проект договора. Сейчас. До того, как сяду в твою машину. И частного детектива своего засунь знаешь куда? Я сама позвоню своему адвокату. Если найду в тексте хоть одно слово про постельные обязанности или право первой ночи с моим котом — можешь ехать в свой ЗАГС сам. Понял?

На губах Максима Воронова впервые за день появилась настоящая, хищная улыбка.

— Разумный подход, — кивнул он. — Кот остается с вами. По условиям раздела имущества.

****Часть 6. Контракт кровью (15:31 – 17:00)****

Заднее сиденье Rolls-Royce Phantom было обито кожей оттенка слоновой кости. Звук двигателя напоминал дыхание спящего кита — мощный, глубокий, абсолютно изолированный от уличного шума.

Анна сидела на максимальном удалении от Максима, прижавшись виском к холодному стеклу. Между ними лежала распечатка брачного договора толщиной с роман Достоевского.

Елена Петровна превзошла саму себя. Документ читался как пособие по психологическому терроризму. Каждый пункт был написан таким языком, что любая попытка Анны проявить человеческие эмоции каралась финансовым хакари.

«Пункт 4.2. Совместные выходы в свет. Стороны обязуются демонстрировать признаки глубокой эмоциональной привязанности (держаться за руки, обмениваться мимолетными поцелуями в висок, называть друг друга ласковыми прозвищами "не тише 40 децибел") исключительно в радиусе действия объективов аккредитованной пресс-службы Корпорации. За пределами указанного радиуса тактильный контакт запрещен во избежание возникновения несанкционированных слухов».

«Пункт 7.8. Интимная жизнь. Полное отсутствие сексуальных контактов является базовым условием настоящего Соглашения. Попытка вступления в половую связь с одной из Сторон трактуется как нарушение конфиденциальности и влечет немедленное расторжение с удержанием всех ранее выплаченных сумм».

«Пункт 12. Внешность. Вторая сторона обязуется поддерживать вес в диапазоне +/- 2 килограмма от контрольного замера на дату подписания. Резкое изменение имиджа (стрижка, татуировки, пирсинг, смена цвета волос) требует письменного согласования с Первой стороной».

Анна листала страницы, чувствуя, как внутри нарастает истерический смех. Она подписывала кредитные договоры, мировые соглашения, протоколы обыска. Но документ, регламентирующий температуру поцелуя в градусах Цельсия и запрет на смену прически — это был абсолютный сюрреализм.

— Пункт девять точка один, — нарушил молчание Максим. Он сидел с планшетом, делая какие-то пометки стилусом, но периферийным зрением контролировал каждое ее движение. — Там ошибка. Моя фамилия склоняется. Написано «имущество Воронова», должно быть «Воронова». Юристы обленились.

— Какая трогательная забота о грамматике, когда речь идет о продаже меня оптом, — огрызнулась Анна, не поворачивая головы. — Тут написано, что я не имею права беременеть. Нигде. Вообще. Никогда. Иначе штраф пять миллионов.

— Логично, — пожал плечами Максим. — Ребенок — это акционер, которого мы не приглашали в совет директоров. Любой ребенок автоматом получает право на наследство. Мы блокируем эту возможность на корню. Предохранители включены в медицинскую страховку, которую я оплачиваю. Плюс ежемесячный тест на ХГЧ за мой счет, результаты приходят мне на почту. Удобно, правда?

Анна закрыла папку. Положила руки на колени, чтобы они перестали дрожать.

— Мой адвокат скажет, что я сошла с ума, — тихо проговорила она. — Даже читать такое вслух в присутствии нотариуса — это статья.

— Наймите другого адвоката. На мой первый транш. Вашего нынешнего купит конкурсный управляющий на сдачу от продажи ваших наручных часов, — Максим отложил планшет. Впервые за всю поездку он посмотрел на нее прямо, в упор. — Анна Викторовна. Давайте снимем маски. Вы тонете. Я бросаю спасательный круг. То, что он сделан из колючей проволоки и золота, не отменяет его плавучести. Вы ненавидите меня. Презираете. Хотите разбить мне лицо этой папкой. Всё это понятно и предсказуемо. Но завтра ваша мать может не проснуться после приступа, потому что кардиостимулятор разрядится, а новый вы купить не сможете. А

через месяц вы будете примерять оранжевую робу в СИЗО номер шесть. Выбирайте. Ваше чистоплюйство против ее жизни. Очень простая математика выживания.

Он открыл встроенный мини-бар. Достал бутылку минеральной воды. Открутил крышку и протянул Анне.

— Вода хорошая. Итальянская. Не отравлена.

Она взяла бутылку. Пальцы коснулись его кожи. Холодной, сухой, без единого кольца. Рука человека, который никогда в жизни не держал лопату или ручку сковородки.

Анна сделала глоток. Горло саднило от дыма и сдерживаемых слез.

— Квартира в Серебряном Бору... — сипло начала она. — Там есть книги? Настоящие. Не дизайнерские муляжи с золотыми обрезами.

— Есть библиотека. Около трех тысяч томов. В основном архитектура, экономика, история права. Отец собирал. Я предпочитаю цифры, — спокойно ответил Максим. — Если вам станет скучно трахаться с собственным мужем по переписке, можете почитать Сенеку.

— Я не буду с вами трахаться, Воронов. Даже по переписке, — она вернула ему бутылку. — Я подпишу. При одном условии.

Максим напрягся. Вот оно. Начало торга. Женщины всегда пытаются выгрызть кусочек души там, где им дают кусок хлеба.

— Слушаю.

— Мать, — четко произнесла Анна. Глаза ее высохли, стали жесткими, как обсидиан. — Операция в клинике Мешалкина. Лучшие хирурги. Палата на двоих. Полный курс реабилитации. И отдельный счет на ее имя, куда будут капать проценты с части моих выплат, чтобы она могла покупать свои дурацкие журналы с кроссвордами до ста лет. Это не обсуждается. Включите отдельным пунктом. Если она умрет раньше, чем закончится наш контракт, я сваливаю немедленно, и неустойку можете оставить себе. Я должна успеть отдать долг. Живой человек за живые деньги. Идет?

Максим смотрел на нее несколько секунд. В серых глазах промелькнуло нечто похожее на узнавание. Она торговалась не за бриллианты. Она выставила цену за спокойствие единственного близкого человека. В мире Максима существовали только активы и пассивы. Любовь матери была самым высоколиквидным активом, который он встречал.

— Идет, — кивнул он. — Адвокаты впишут целевое назначение средств. Медицинский эскроу-счет. Доступ только у нее и лечащего врача. Вы удовлетворены условиями рабства?

— Вполне, господин надзиратель, — уголки ее губ дрогнули в горькой усмешке. — Куда едем? К нотариусу? В мэрию? Сразу в ювелирный за кольцом с булыжником?

— В клинику, — сказал Максим. — Для протокола нам нужны свежие справки о состоянии здоровья. Венерические заболевания исключаем сразу, беременность тоже. Потом к моему нотариусу на Остоженку. Он работает круглосуточно. Кольцо подберете сами. Бюджет символический — до десяти тысяч долларов. Нам не нужен цирк с каратниками, которые вы попытаетесь заложить в ломбард назло мне. Обручальное кольцо — это наручники. Они должны быть легкими, но надежными.

Водитель плавно притормозил. Судя по огням за окном, они въезжали на территорию частной клиники в районе Воробьевых гор.

Максим нажал кнопку, открывая перегородку.

— Леонид, сначала шестой корпус. Кардиология. Забронируйте палату люкс на фамилию Сабурова. Оплата картой. Документы оформим потом.

Анна смотрела на здание клиники широко раскрытыми глазами. Белое мраморное величание, подсвеченное золотистым светом. Место, где смерть вежливо просят подождать в коридоре.

— Вы серьезно? — прошептала она. — Прямо сейчас?

— Промедление в бизнесе ведет к убыткам, — бросил Максим, выходя из машины. Он обошел автомобиль и открыл ее дверь, протягивая руку. — Выходите, Сабурова. Нас ждет новая жизнь. Надеюсь, она воняет меньше, чем прокуренная студия в Бирюлёво.

Анна вложила свою ледяную ладонь в его руку. Рукопожатие получилось крепким. Почти мужским.

Сделка состоялась.

Механизм судьбы, заведенный утром в кабинете совета директоров, сделал первый тяжелый оборот. Колесики зацепились друг за друга.

Где-то в глубине здания старенький кардиостимулятор продолжал отсчитывать секунды чужой жизни, не зная, что только что получил отсрочку исполнения приговора благодаря самой циничной сделке в истории московского бомонда.

****Часть 7. Белый шум операционной (17:01 – 19:00)****

Клиника пахла озоном, хлоргексидином и большими деньгами. Максим шел по коридору кардиологического отделения стремительно, полы его кашемирового свитера развевались, создавая вокруг него зону отчуждения. Пациенты, медсестры и даже дежурные врачи инстинктивно прижимались к стенам. Энергетика власти двигалась быстрее самого тела.

Анна едва поспевала за ним. Больничные бахилы казались смешными на фоне ее убитых офисных туфель. Она крепко прижимала к груди папку с договором, словно это был единственный талисман, связывающий ее с реальностью. Происходящее казалось сном — дурным, абсурдным, снятым режиссером-сюрреалистом.

— Палата четыреста двенадцать, — коротко бросил Максим администратору на посту. — Госпожа Сабурова переезжает. Оформляйте перевод из городской больницы. Полный чекап, включая МРТ всего, что можно просветить. Результаты мне на почту вчера.

— Максим Леонидович, добрый вечер, — залепетала девушка-администратор, начиная мелко креститься взглядом. — Люкс свободен, мы готовили его для депутата, но я перенесу...

— Переносите депутата в коридор, — оборвал Макс. — И соедините меня с главврачом. Живо.

Они остановились перед дверью палаты. Максим придержал Анну за локоть. Прикосновение было мимолетным, профессиональным, как у регулировщика, останавливающего поток машин, но девушку словно током ударило. Тепло его пальцев через ткань пальто показалось обжигающим.

— Правила простые, — тихо, чтобы слышали только они, произнес он. — Ты заходишь туда. Говоришь матери правду. Любую. Можешь сказать, что выиграла в лотерею. Можешь сказать, что вышла замуж за банковского служащего. Мне плевать, что именно вылетит из твоего рта. Главное — она должна увидеть в твоих глазах счастье. Искреннее, детское, животное

счастье. Чтобы ее сердце дало правильный гормональный отклик. Эндорфины ускоряют регенерацию тканей. Поняла задачу?

Анна сглотнула. Комната поплыла перед глазами. Мать. Розовая больничная рубашка. Запах старости и лекарств. И она, стоящая на пороге с новостью о браке по расчету с человеком, который смотрит на людей как на ошибки в бухгалтерском балансе.

— Я плохой лжец, — выдавила она.

— Сегодня научишься, — Максим достал из внутреннего кармана плоскую фляжку. Открутил крышку. Пахнуло дорогим коньяком. — Глотни. Один раз. Для смазки шестеренок.

Она отрицательно мотнула головой.

— Мне нужен трезвый ум для счастья, — съязвила она, пытаясь вернуть себе привычную броню сарказма.

— Как хочешь, — Макс убрал флягу. — Через пятнадцать минут я пришлю сюда портниху с платьями. Завтра утром нас должен ждать фотограф из «Vogue». Твоя задача на ближайшие сутки — выглядеть так, будто твой личный сорт героина — это семейное благополучие. Справишься?

Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь.

Комната утопала в стерильном белом цвете. Аппаратура жизнеобеспечения мигала зелеными и желтыми диодами, издавая ритмичное, успокаивающее пикающее пиканье. Мария Ильинична Сабурова полусидела на высоких подушках. Седые волосы разметались по крахмальной наволочке. Она выглядела крошечной, сморщенной, полупрозрачной. Рядом на стульчике дремала пожилая соседка по палате.

Звук открываемой двери разбудил ее. Женщина открыла глаза. Мутные от усталости линзы сфокусировались на фигуре дочери. Морщинки вокруг глаз сложились в тревожный узор.

— Аня? — голос был слабым, дребезжащим. — Что случилось? Тебе плохо? Почему ты здесь? Тебя уволили?

Анна замерла на пороге. Все инструкции Максима, вся выстраданная злость и готовность к сделке испарились, столкнувшись с этим родным, полным животного ужаса взглядом. Мать видела в ней вестника беды. Дочь, пришедшая ночью в элитную больницу, не несет хороших новостей.

И тогда включился инстинкт. Самый древний. Детеныш, закрывающий собой логово.

Анна шагнула внутрь. Широко, неумело улыбнулась. Так улыбаются люди, долго практиковавшиеся перед зеркалом для похорон.

— Мамулечка... — она подошла к кровати, быстро оглянулась на Максима, ища поддержки, но тот остался стоять у входа, скрестив руки на груди, превращаясь в часть интерьера. — Мама, смотри. Смотри на меня.

Мария Ильинична испуганно моргала.

— Что ты улыбаешься как блаженная? У тебя истерика? Где твой начальник, он тебя обидел?

— Мама, прекрати, — Анна села на край кровати, взяла сухую, покрытую пигментными пятнами руку матери в свои ладони. Кожа была горячей. — Я пришла сказать... я такая счастливая, мам. Такая невыносимо, глупо счастливая.

Монитор слева издал чуть более частый сигнал. Частота сердечных сокращений пошла вверх.

— Анечка... девочка моя... — прошептала старушка, и тревога в ее глазах начала медленно сменяться растерянностью. — Что? Ты нашла кошелек? Тебя повысили?

— Лучше! — Анна почувствовала, как по щекам текут горячие, совершенно неконтролируемые слезы. Она продолжала улыбаться сквозь них, и эта гримаса наверняка выглядела жутко. — Я замуж выхожу, мама. За хорошего человека. За самого лучшего. Он... он врачует мои раны. Мы познакомились неделю назад, и я просто поняла, что всё. Конец. Прилетел мой самолет.

Лицо Марии Ильиничны дрогнуло. Она попыталась приподняться, охнула от боли в груди, но дочь мягко, но настойчиво уложила ее обратно.

— Тише, мама, тебе нельзя волноваться. Смотри, какая палата... Это всё он. Он перевел тебя сюда. Он оплатил врачей. Он сказал, что твоя жизнь важнее любых денег. Мама, он любит меня. Представляешь? Я, старая перечница с кредитами, и он...

Старушка смотрела на дочь, потом перевела взгляд на монументальную фигуру у двери. Максим чуть склонил голову в вежливом, уважительном поклоне наследного принца. В этом жесте не было тепла, но было безупречное достоинство.

— Это... он? — прошептала Мария Ильинична.

— Это он, — подтвердила Анна, крепче сжимая материнскую руку. — Его зовут Максим. И он обещал, что мы будем счастливы. Правда ведь? — последние слова были брошены через плечо. Это был выстрел наугад, отчаянная импровизация.

Максим выдержал паузу, давая биению сердца больной выровняться. Затем подошел к кровати. Не сел. Просто встал рядом, возвышаясь над всем пространством.

— Добрый вечер, Мария Ильинична, — его голос заполнил комнату, вытесняя писк приборов. Глубокий, вибрирующий бас. — Анна Викторовна — самое ценное, что есть в моем распоряжении. Врачи сказали, что вашему сердцу нужен покой. Теперь у вас будет самая спокойная старость в Подмоскowie. Никто больше не тронет вашу дочь. Ни конкуренты, ни судебные приставы, ни банк. Спите. Набирайтесь сил. Скоро свадьба, вам нужно вышивать рушник.

Он говорил чудовищную, пошлую ложь. Про рушник, про ценность. Но делал это с такой гранитной уверенностью, что аппаратура в палате, кажется, поверила ему вслед за матерью. Зеленый луч на мониторе выровнялся, став мягкой синусоидой покоя.

Мария Ильинична смотрела на гиганта, потом на зареванное, сияющее лицо дочери. Старый, изношенный механизм ее эмпатии переключился. Страх ушел. Пришло благоговение.

— Спасибо, — прошептала она, обращаясь почему-то к потолку. — Береги ее, сынок. Она у меня дурная, но добрая. Вся в отца.

Укол в грудь. Максим на долю миллиметра дернул кадыком. Слово «сынок» от чужой, умирающей женщины задело какую-то давно забитую фанерой трещину в его фундаменте. Но лицо осталось камнем.

— Обязательно, — кивнул он. — Отдыхайте.

Максим развернулся и вышел. Бесшумно притворив за собой дверь.

Анна осталась сидеть, держа руку матери. Слезы теперь лились свободно, беззвучно. Она плакала не от горя. От запредельного нервного истощения. От стыда. От облегчения. От того, что только что продала душу дьяволу, чтобы купить матери еще десяток лет дыхания.

— Какой хороший мальчик, — сонно пробормотала Мария Ильинична, проваливаясь в медикаментозный покой. — Повезло тебе, Нюрка... Ох, повезло...

Анна наклонилась и поцеловала влажный лоб матери.

— Повезло, мам. Кому ты рассказываешь.

Она посидела еще минуту, выравнивая дыхание. Стерла слезы тыльной стороной ладони. Посмотрела на свое отражение в темном экране выключенного телевизора. Растрепанная невеста сатаны.

Затем встала. Расправила плечи. Провела ладонями по лицу, стирая остатки человечности.

Завтра приезжает фотограф из «Vogue». Ей предстояло сыграть роль счастливой дуры. Роль, которую она только что блестяще проверила на самом главном зрителе своей жизни.

Выходя из палаты, она впервые заметила медкаталку в коридоре, на которой везли гору брендированных пакетов из бутиков. Возле катушки с капельницей стояла женщина-стилист с сантиметровой лентой на шее, как гильотиной.

Анна горько усмехнулась.

Шоу начиналось. Режиссер требовал актрису на сцену.

Глава 2. Семейное давление

Часть 1. Вибрация в кармане (Время: 14:05)

Салон Rolls-Royce Phantom поглощал звуки вечерней Москвы с равнодушием глубоководной рыбы. За бронированным стеклом проносились огни Кутузовского проспекта, размазанные скоростью и сентябрьским дождем в длинные неоновые полосы. Внутри пахло дорогой кожей, озоновым очистителем воздуха и едва уловимым, тревожным ароматом ментоловых сигарет — призраком присутствия Анны Сабуровой, который намертво въелся в ворс ковролина за те двадцать минут, что она провела здесь часом ранее.

Максим Воронов сидел на заднем диване, закинув ногу на ногу. Позвоночник представлял собой прямую стальную балку, плечи развернуты под идеальным углом в сорок пять градусов к линии горизонта. Он смотрел не на город, а сквозь него — в черную изнанку собственного отражения на тонированном стекле. Сделка была закрыта. Механизм запущен. Миллион долларов уже находился в пути на защищенный счет юридической конторы «Гранд и Партнеры», которая должна была обеспечить Анне Викторовне чистое небо над головой и непробиваемый иммунитет от ОБЭП.

Сделка по спасению юрисконсульта-банкрота прошла безупречно. Но сделка с собственной жизнью только начинала генерировать системные ошибки.

Внутренний карман кашемирового свитера завибрировал. Не настойчиво, требовательно, как вибрировали сообщения от акционеров Кречетова, а мягко, почти виновато. Так умела вибрировать только одна вещь в его мире — старый кнопочный Vertu, номер которого знали три человека: он сам, начальник службы безопасности Маркелов и мать.

Мария Петровна Воронова.

На экране высветилось одно новое сообщение и два пропущенных вызова. Текст гласил: *«Максимушка, отец опять снился. Стоял у окна дачи в Звенигороде, молчал. Давление сто восемьдесят на сто десять. Капотен кончился. Позвони».*

Для любого другого сорокадвухлетнего мужчины звонок матери был бы актом сыновней любви или бытовой рутиной. Для Максима Леонидовича Воронова это был сеанс несанкционированного доступа к корневым директориям психики. Мария Петровна была единственным человеком на планете, чей голос обходил файрволы его рациональности без запроса пароля. Она хранила ключи от той части его фундамента, которую Максим заливал бетоном марки М-800 после самоубийства отца.

Он коснулся экрана большим пальцем. Гудки пошли длинные, тягучие, словно пробиваясь через толщу времени.

— Да, мам, — произнес он ровно, когда на том конце сняли трубку. Звук ее дыхания — частого, астматического — ударил по барабанным перепонкам сильнее, чем годовой отчет финансового директора.

— Максюша! — голос Марии Петровны дрожал, готовый сорваться либо в истерику, либо в рыдание. Старческое одиночество имело свойство превращать любую мелочь в катастрофу вселенского масштаба. — Я таблетки твои нашла, которые ты привозил швейцарские, белые такие... Выпила одну, но сердце все равно колотится. И Лёня приснился. Опять. Стоит в дверях кухни, смотрит так строго, как при жизни никогда не смотрел. Говорит мне: «Что ж ты, Маша, сына-то заморозила совсем? Пустая у него оболочка».

Максим прикрыл глаза. Леонид Воронов, строитель первой волны, человек, потерявший всё в девяностые и пустивший пулю себе в лоб из-за долгов перед людьми куда более страшными, чем банки, теперь руководил семейным советом с того света посредством дешевых таблеток своей вдовы.

— Мам, папа тебе ничего не говорит, — терпеливо начал Максим, включая режим корпоративного деэскалации конфликтов. — Это сосуды спазмируют. Ты окно открыла? Сквозняк убери. И воду пей. По два литра в день я тебе расписывал схему.

— Какую схему, сынок! — вспыхнула она вдруг с неожиданной силой, прорвавшейся сквозь дребезжание старости. — Я же чувствую! Душа болит. Сосуды тут ни при чем. Я вчера Измайловым звонила. Помнишь Игоря? С которым твой отец лес валил на Урале, когда кооператив первый открывали. У Игоря дочка выросла. Алиса. Такая девочка хорошая, просто куколка фарфоровая. Институт красный диплом закончила, сейчас в консалтинге у Савина сидит, миллионы им экономит. Игорь вчера набрал, спрашивает, как мой Максим поживает, не женился ли. А я ему говорю — свободен сокол мой, высоко летает, да гнезда никак не совет...

Тишина в салоне стала плотной, как эпоксидная смола. Максим медленно разжал пальцы, которыми сжимал брючину. На безупречной ткани темно-серых брюк остался белый след от впившихся ногтей.

Алиса Измайлова.

Память выдала сухой файл данных, очищенный от эмоций. Двадцать шесть лет. Отец — бывший партнер отца по теневым схемам экспорта леса, ныне легализовавшийся владелец агрохолдинга. Мать — светская дама, президент фонда спасения амурских тигров. Сама Алиса — продукт элитной инкубационной камеры. МГИМО, Лондонская школа экономики, стажировка в Goldman Sachs. Лицо Снежной королевы, улыбка, рассчитанная алгоритмами нейросетей для максимального расположения аудитории старше пятидесяти лет. Сталь в глазах вместо зрачков. Идеальная биография для некролога в журнале Tatler или Forbes.

— Зачем ты дала ему надежду, мама? — тихо спросил Максим. Его голос стал ниже на полтона, приобретая тот самый тембр, от которого покрывались холодным потом начальники департаментов ГК «Воронов Капитал». — Мы об этом не договаривались.

— А о чем нам с тобой договариваться, родной? — мгновенно перешла в наступление Мария Петровна, почувствовав слабость. — О том, что ты там один в своем склепе стеклянном плесенью покроешься? Акционеры твои меня донимают, Макс. Аркадий Маркович Штейн лично звонил месяц назад. Спрашивал, почему у такого видного жениха династии нет. Сказал, что люди боятся вкладывать в бетон, если за ним стоит перекасти-поле. Им патриарх нужен. Наследник. Гарант, что ты завтра не сиганешь с этой своей башни вслед за отцом от тоски!

Удар попал точно в солнечное сплетение. Штейн бил публично, на совете директоров, оперируя цифрами падения акций. Мать была приватно, используя единственное оружие, против которого у Максима не было защиты — чувство вины выжившего и страх разочаровать единственного живого родственника. Они сговорились. Весь этот прогнивший мир стариков решил добить его ради своих представлений о норме.

— Мама, послушай меня внимательно, — процедил Максим, глядя, как капли дождя расчерчивают стекло геометрически правильными линиями. — У меня четырнадцатого сентября презентация ЖК «Тихая Гавань». Три тысячи квартир. Десять миллиардов инвестиций. Совет поставил условие: на сцене должен стоять семейный человек. Я решу эту проблему. К самой презентации вопрос будет закрыт. Окончательно. Обещаю. Никому ничего не обещаю больше. Ни Измайловым, ни Штейну. Жди.

— Ох, слава богу! — выдохнула она с облегчением, пропустив мимо ушей его ледяной тон. Слово «семейный» сработало на нее как транквилизатор. — Вот и славно. Значит, посмотрим Алисочку? Игорек приглашает нас с ней в субботу на ужин. В «Пушкинь». Я уж столик забронировала, не стала тебя беспокоить, знаю, занятой. Надену свое платье изумрудное, то самое...

Она продолжала щебетать, строя планы захвата территории, распределяя роли в спектакле, билеты на который никто не собирался продавать. Максим слушал этот поток сознания, механически отмечая детали. Платье изумрудное. Стол в «Пушкине». Фарфоровая кукла.

— Я буду, — оборвал он ее монолог. — В субботу. В семь. Передай Измайловым, чтобы не заказывали устриц, у Алисы на них аллергия, кажется. Или непереносимость лактозы. Проверь в их соцсетях.

— Сынок, какие соцсети, мы люди старые... — растерялась мать.

— Неважно. До субботы, мам. Таблетки по схеме. Если давление не упадет — вызывай скорую, пусть везут в клинику на Рублевке, я предупрежу главврача. Всё, отбой.

Он сбросил вызов, не дожидаясь прощальных поцелуев в мембрану динамика. Положил телефон на кожаную папку с документами, лежащую рядом. Руки слегка подрагивали. Впервые за пятнадцать лет практики жесткого контроля микромоторики лицевых мышц Максим позволил себе мимолетную гримасу. Это даже не было оскалом — скорее, судорожным сведением челюстей, похожим на спазм механизма, которому дали команду двигаться в обратную сторону.

Проблема перестала быть линейной. Теперь это была система уравнений с тремя переменными:

X — Акционеры, требующие иллюзию брака для успокоения ипотечников.

Y — Мать, требующая реального брака с идеальной породистой сукой для спокойствия собственной нервной системы.

Z — Анна Сабурова, подписавшая контракт на роль бронежилета, чья кредитная история дышит уголовным кодексом.

Если X узнает про Z — проект «Тихая Гавань» хоронят под процент дефолта.

Если Y увидит Z — материнское сердце остановится окончательно, на этот раз без шансов на кардиостимулятор.

Если Z узнает про Y — она получит идеальный рычаг давления. Шантаж слезами старой женщины всегда оплачивается дороже, чем шантаж сухими цифрами арбитража.

Максим открыл мессенджер. Создал новый чат. Адресат: Маркелов (Начальник СБ).

Текст: *«Объект: Измайлова Алиса Игоревна, 26 л. Полное досье мне на почту. Срок — 17:00. Режим пассивного наблюдения установить немедленно. Маршруты дом-работа-клуб-салоны. Особое внимание финансовым обязательствам перед третьими лицами и химическим зависимостям. Мне нужно знать, есть ли у фарфора трещины, прежде чем я возьму его в руки».*

Второе сообщение: *«Елене Петровне. Найти ювелирный бутик уровня Graff/Bvlgari с круглосуточным VIP-сервисом. Бюджет символический. Нам нужны наручники, эстетика вторична».*

Третье сообщение (самому себе, в заметки): *«Легенда для матери: "Встречался с кандидатурой. Не подходит. Слишком амбициозна/глупа/считает деньги". Продержаться до среды».*

Водитель притормозил у КПП частной клиники «Медси» в Крылатском. Фары выхватили из темноты мраморные колонны и идеально подстриженные туи.

— Приехали, Максим Леонидович, — доложил водитель Леонид через интерком.

— Знаю, — отозвался Максим.

Он взял со своего сиденья сумку-портфель Анны Сабуровой. Огромная, потертая кожа чудовищного мышинового цвета, разбухшая от бумаг так, что латунные замки натужно скрипели. Рядом с ней дорогая сумка самого Максима из кожи аллигатора казалась декоративной. Портфель Анны вонял типографской краской, дешевым кофе из автомата и паникой. Физическое воплощение чужого банкротства в стерильном чреве автомобиля стоимостью в крыло бизнес-класса.

Максим вышел под дождь. Холодные капли ударили по лицу, приводя нервную систему в тонус. Он передал портфель охраннику, вышедшему встретить босса.

— Отнесите в палату четыреста двенадцать. Оставьте на тумбочке. И проследите, чтобы эта чертова портниха со своими платьями заняла соседнюю комнату, а не крутилась под ногами у врачей.

Подходя к сияющему входу в клинику, Максим чувствовал странную вибрацию в груди. Это не было волнением перед свиданием. Это был инженерный восторг архитектора, столкнувшегося с самым сложным грунтом в своей карьере. Строить надежный фундамент на гнилом болоте — задача для любителя. Строить небоскреб одновременно на двух тектонических плитах, которые движутся навстречу друг другу — вот это работа для Владислава Воронова. Тьфу. Для Максима.

Главное — не начать верить в чертежи самому.

****Часть 2. Анатомия стали (Клиника, палата 412. Время: 14:30)****

Дверь палаты отъехала в сторону бесшумно, утопившись в паз стены. Запах здесь стоял густой, медикаментозный — смесь озона, хлоргексидина, старого человеческого тела и чего-то еще, специфически больничного, напоминающего запах страха. Аппаратура жизнеобеспечения издавала ритмичный, успокаивающий писк, отсчитывая секунды чужой жизни зелеными диодами.

Анна сидела на краю кровати, держа сухую, покрытую пигментными пятнами руку матери в своих ладонях. Мария Ильинична спала. Седые волосы разметались по крахмальной наволочке дорожной ортопедической подушки. Лицо во сне разгладилось, потеряло выражение постоянной тревоги за дочь, став лицом просто уставшей, очень пожилой женщины.

Рядом на пластиковом стуле стояла раскрытая коробка от нового аппарата ЭКГ. Батарея материнского кардиостимулятора садилась. Старый прибор в городской больнице имени Боткина выдавал ошибку разряда. Новый, импортный, стоящий как однокомнатная квартира в Бирюлёво, ждал настройки профильных специалистов. Максим оплатил его переводом полчаса назад, пока машина стояла в пробке на съезде с Третьего кольца.

Максим вошел беззвучно. Кашемировый свитер поглощал звук шагов. Он остановился в трех метрах от кровати, заложив руки за спину. Классическая поза аудитора, пришедшего проверять складские остатки.

Анна вздрогнула, но головы не повернула. Только крепче сжала пальцы матери.

— Вы быстро, — сказала она глухо. Голос звучал низко, с легкой хрипотцой курильщика, но сейчас в нем не было вчерашней дерзости. Была лишь выжженная земля. — Врачи говорят, операцию можно планировать на понедельник. Нужно ваше подтверждение платежного поручения для страховой.

— Подтверждение ушло финансистам две минуты назад, — ровным голосом ответил Максим. — Палата оплачена на год вперед. Люкс. Соседку переведут в общую зону, здесь будет индивидуальное сестринское дежурство. Питание согласно диете стола номер пять. Кардиохирург из Цюриха прилетает завтра утренним рейсом Swiss Air. Контракт с клиникой предусматривает неразглашение вашего пребывания здесь третьим лицам. Папарацци куплены, охрана

внизу имеет распоряжение ломать телефоны любому, кто направит объектив в сторону четвертого этажа.

Он говорил перечислением фактов, вбивая гвозди условий договора в пространство комнаты. Каждое слово должно было напомнить ей: благодетель требует отчетности.

Анна наконец отпустила руку матери. Та сонно вздохнула, перевернулась на другой бок, но не проснулась. Девушка встала. Дешевое шерстяное пальто, которое она забыла снять, висело на острых плечах мешком. Волосы выбились из небрежного узла. Никакой косметики. Лицо бледное, осунувшееся, с темными кругами под глазами — печать бессонных ночей в судах и прокуренной студии.

Она выглядела настоящей. Настолько настоящей, что на фоне идеального, ухоженного, пахнущего одеколоном и властью Максима смотрелась как ошибка матрицы.

— Почему больница? — спросила она, кивнув на мерцающий экран монитора. — Могли перевести деньги на карту, я бы сама организовала.

— Потому что время — единственный невосполнимый актив, Сабурова, — отрезал Максим. — Пока ваши районные коновалы будут оформлять перевод из бюджета города, ваша мать станет клиентом морга. Здесь бригада готова поднять ее на стол через час после моего звонка. Кроме того, клиническая картина работает на нашу легенду. Романтическая сказка звучит убедительнее, когда спонсируется спасением жизни. Моя служба протокола подготовит пресс-релиз: «Девелопер Воронов перевез тещу в лучшую клинику страны сразу после помолвки». Слезы целевой аудитории обеспечены. Женщины от тридцати до сорока пяти скупят весь объем «Тихой Гавани» в ипотеку на стадии котлована.

Анна смотрела на него долго. Ее темные глаза не выражали ненависти — они были пусты. Как банковский счет после списания последнего рубля в пользу судебных приставов.

— Вы чудовище, — констатировала она. Без пафоса, без надрыва. Просто диагноз.

— Я логист, — поправил Максим. — Я оптимизирую маршруты доставки ресурсов туда, где они дают максимальный КПД. Сейчас ресурс направлен на сохранение жизнедеятельности Марии Ильиничны. Завтра он будет направлен на ваш переезд в Серебряный Бор. Послезавтра — на покупку вам гардероба, соответствующего статусу миссис Воронов. Кстати о переезде. Елена Петровна отправила бригаду клининга в вашу студию. Ваши вещи упакуют. Ничего не пропадет. Хотя пропадать там особо нечему, судя по акту осмотра жилищных условий, который подготовили мои безопасники.

Упоминание акта осмотра жилищных условий задело ее. Анна дернула щекой.

— Там остались книги моей бабушки. И пластинки отца.

— Их доставят в библиотеку резиденции. Поставят на полки. Присвоят инвентарные номера, — пообещал Максим. — Правила проживания просты и прописаны в приложении «Б» к договору. Пункт четыре точка один: никаких контактов с бывшими коллегами по «ТрансЛогистик». Пункт пять точка ноль: выход в интернет только с предоставленного устройства с протоколированием трафика. Пункт шесть: алкоголь в спальне запрещен, кроме одной бутылки вина в неделю, лимит которой устанавливается мной. Нарушение влечет штраф в размере десяти тысяч долларов за каждый эпизод.

Он достал из внутреннего кармана плоскую флешку титанового цвета.

— Здесь копия брачного договора. Ваша версия. Юристы оставили поля для подписи. Также здесь NDA о неразглашении суммы сделки. Ознакомьтесь сегодня вечером. Завтра в девять утра наш нотариус ждет вас в офисе на Остоженке. После — медицинский чекап. Справки для ЗАГСа должны быть датированы текущим числом. Вопросы?

Анна подошла к окну. Прижалась лбом к прохладному стеклу. За окном шумел дождь, сбивая последние желтые листья с лип.

— Кот, — сказала она, не оборачиваясь.

— Что кот? — Максим нахмурился. В досье животных не значилось.

— Мой кот. Барс. Ему девять лет. Кастрирован, страдает мочекаменной болезнью, ест специальный корм Royal Canin. В договоре ничего не сказано о животных. Я не оставляю его в пустой квартире на растерзание вашим людям с коробками.

Максим замер. План давал сбой. Микроскопический, но раздражающий. Он потратил сотни часов на проработку юридических лазеек, налоговых оптимизаций и сценариев поведения на публике, но забыл учесть фактор девятилетнего кастрированного кота.

— Аллергии у меня нет, — медленно произнес он, анализируя риски. — Животное может стать проблемой для имиджа. Старая дева с кошкой разрушает образ успешной карьеристки, нашедшей плечо.

— Тогда платите неустойку прямо сейчас, — спокойно ответила Анна, поворачиваясь. — Два миллиона долларов. И ищите себе другую титановую сплавку. Барс едет со мной. В договоре появится пункт о полном ветеринарном обеспечении за ваш счет. И лоток придется чистить вашей Елене Петровне, раз она такая незаменимая.

Она блефовала. Максим видел это по тому, как мелко дрожит жилка на ее шее. Ей некуда идти. Ей негде жить. У нее нет этих двух миллионов. Но готовность пожертвовать всем ради облезлого животного делала ее опаснее любой акулы бизнеса. Человек, способный поставить на кон миллионы ради принципа, непредсказуем. А значит — неэффективен. Но эффективность сейчас требовала уступки.

— Хорошо, — сдался Максим. Впервые за разговор он изменил позу, чуть расслабив плечи. — Пункт внесут дополнительным соглашением. Корпорация берет на себя расходы по содержанию всех биологических активов, находящихся в вашем владении на момент подписания. Включая Барса и фикус, если он у вас есть. Служба протокола придумает историю для прессы: «Госпожа Воронова подобрала кота на улице, потому что верит в гуманизм». Целевая аудитория женщин среднего возраста испытает оргазм милосердия.

Анна усмехнулась. Горько, одними уголками губ.

— Вы покупаете не жену, Воронов. Вы покупаете декорацию для торгового центра.

— Декорации не умеют выигрывать дела в арбитраже и держать лицо, когда их мать кладут под нож швейцарского хирурга, — парировал он. — Вы функциональный элемент интерьера с расширенным набором навыков. Гордитесь этим. Большинство людей в вашем положении могут предложить рынку только свои органы.

Он подошел ближе. Сократив дистанцию до интимной, нарушив собственное правило четырех метров. Наклонился к ней, опираясь рукой о стену рядом с ее головой. Теперь она была зажата между панорамным окном и телом хищника.

— Слушайте меня внимательно, Сабурова, — прошептал он. Его дыхание коснулось ее виска. — Сегодня ночью вы плачете. Можете выпить. Можете разбить вазу в палате — я

оплачу ущерб. Вы имеете право на истерику ровно до восьми утра завтрашнего дня. В восемь ноль одна вы принимаете душ. Вызываете парикмахера. Примеряете платья, которые привезет стилист. И учитесь улыбаться так, будто этот договор — лучшее, что случилось с вашей ничтожной биографией.

— А если я не смогу? — так же шепотом спросила она. В огромных черных глазах впервые мелькнул настоящий, животный ужас. Страх не перед тюрьмой, а перед необходимостью играть счастье.

— Сможете, — уверенно сказал Максим. — Вы лучший юрист среди тех, кому нечего терять. Вы умеете убеждать. Начните с убеждения самой себя. Ради пульса на этом мониторе. — Он кивнул на аппаратуру матери. — А теперь дайте мне фэшн-директора. У нее безвкусные туфли, испортите кадр для Vogue — вычту из премии.

Максим выпрямился, возвращая дистанцию. Достал телефон.

— Леонид, поднимись в люкс-трапезную. Пусть принесут двойной эспрессо без сахара и чай с бергамотом. Горячий. С лимоном. Сахар отдельно. И пепельницу. Кажется, нашей невесте снова пора начать курить.

Он вышел из палаты, оставив дверь приоткрытой. В коридоре пахло дезинфекцией и большими деньгами. Максим прислонился спиной к стене напротив двери, достал сигарету из портсигара охраны. Чиркнул зажигалкой. Глубоко затянулся, выпуская дым в вытяжку.

За стеной запищал монитор — пульс Марии Ильиничны выровнялся, реагируя на введенное медсестрой успокоительное. Где-то в глубине здания загудел лифт, поднимавший наверх портниху с чехлами одежды. Жизнь продолжалась. Конструкция обретала форму.

Максим посмотрел на часы. 14:42. До встречи с матерью оставалось меньше полутора суток. Фарфоровая кукла Алиса наверняка уже примеряет изумрудное платье.

«Ничего, — подумал Воронов, давая окурок в хрустальной пепельнице, закрепленной на передвижной стойке капельницы. — Главное, чтобы размер колец совпал. А кости черепа у обеих достаточно крепкие, чтобы выдержать вес тиары».

Часть 3. Экзамен на профпригодность (Ювелирный бутик La Diámonde, Тверская. Время: 23:15)

Москва ночной поры дышала иначе. Днем это был механизм, перерабатывающий человеческие ресурсы в квадратные метры и налоговые отчисления. Ночью город обнажался, становясь набором светящихся капилляров, по которым тек черный лак дорогих автомобилей.

Rolls-Royce остановился в кармане Тверской улицы, перегородив движение. Выскочившие из тени секьюрити в строгих костюмах взяли периметр. Максим вышел первым. Холодный воздух приятно обжег лицо после кондиционированного салона.

Анна шла следом. Утром она приняла душ в клинике, смыла с себя запах больницы и отчаяния. Парикмахер уложил ее темные волосы в гладкий низкий пучок. Стилист, матерясь про себя на отвратительный вкус заказчика, надел на нее простое шелковое платье-футляр цвета слоновой кости — слишком дорогое для бывшей обительницы студии в Бирюлёво, но

недостаточно кричащее для невесты миллиардера. Никаких украшений. Никакого макияжа, кроме гигиенической помады.

Выглядела она как высокочлассная содержанка, которую богатый клиент выводит в свет впервые, стесняясь показать друзьям. Идеальный баланс между доступностью и недоступностью.

Охрана распахнула тяжелые дубовые двери бутика La Diámone. Заккрытие магазина вне графика для одного клиента обошлось Максиму в сумму, равную годовому бюджету небольшого благотворительного фонда. Внутри пахло кедровым деревом, шампанским Krug и холодной пылью вечности, которой покрыты бриллианты.

Илья Борисович, управляющий бутиком, встречал их лично. Мужчина неопределенного возраста с лицом, подтянутым настолько, что улыбаться ему было физически больно.

— Максим Леонидович! Какая честь. Прошу. Мы закрылись для публики час назад. Шампанского? Водки? Минеральной воды Panna?

— Воды, — бросил Максим. — Даме тоже. И кольцо. Обручальное. Одно. Мужское. Одно. Женское.

— Разумеется. Какой стиль предпочитаете? Classic Riviera? Eternal Grace? Новая коллекция Serpenti от Bvlgari потрясающе ложится на женскую кисть, подчеркивает линию судьбы...

— Линия судьбы Сабуровой сейчас проходит через кабинет нотариуса, — оборвал его Максим. — Кольцо должно выглядеть как замок. Надежно, весомо, без лишних камней, которые можно использовать как валюту в тюрьме. Металл — платина. Ширина мужского — шесть миллиметров. Женского — четыре. Поверхность матовая. Гравировка внутри запрещена. Бриллиант в женском кольце — не более полкарата. Solitaire. Огранка «принцесса». Цвет D, чистота IF. Чтобы блеснул, но не слепил. Нам нужна надежность, а не дискотека.

Илья Борисович побледнел. Требования шли вразрез со всеми правилами luxигу-сегмента, где обручальные кольца покупают исходя из стоимости яхты жениха. Минимализм Воронова был оскорблением индустрии.

— Платина царапается, Максим Леонидович, — осторожно заметил управляющий. — Белый золото с родиевым покрытием практичнее...

— Я хочу видеть, как оно царапается, Илья, — ласково перебил Максим. — Когда моя жена будет мыть посуду в Серебряном Бору. Найдите мне самые дешевые тарелки в доме, Сабурова. Будем тренироваться вести быт.

Анна, до этого момента стоявшая абсолютно неподвижно, словно манекен в витрине, позволила себе едва заметную кривую ухмылку. Она поняла игру. Он унижает ее публичным отказом от роскоши, показывая всему миру (и своим акционерам), что брак — это функционал, а не праздник потребления. Но делая это в закрытом бутике посреди ночи, он дает ей понять истинный масштаб трат. Разница в классе измеряется не наличием денег, а способностью потратить миллион долларов на то, чтобы купить человеку тишину.

— Платина так платина, — легко согласился Илья Борисович и махнул рукой вглубь зала. — Прошу в VIP-кабинет. Коллекция Titanium & Platinum Line. То, что доктор прописал для господина, избегающего дискотек.

Их провели в комнату без окон, обитую серым бархатом. На столе из ореха стояли два бокала с водой. Илья вернулся через три минуты. На черном бархате перед ними лежали два

кольца. Простые, массивные полоски металла. Мужское напоминало деталь двигателя. Женское — гильзу патрона крупного калибра.

Максим взял мужское. Покрутил в пальцах. Примерил. Оно село идеально, словно часть его плоти.

— Берем. Сабурова?

Анна шагнула к столу. Протянула левую руку. Ее пальцы — тонкие, с коротко остриженными ногтями, на которых еще виднелись следы работы с клавиатурой и старыми архивными делами — выглядели хрупкими рядом с тяжелым металлом.

Илья бережно взял ее руку. Опытным движением ювелира провел мягкой тканью по безымянному пальцу, обезжиривая кожу.

— Позвольте... — он начал растягивать кольцо, чтобы надеть его.

В этот момент рука Анны дрогнула. Всего на миллиметр. Но Максим, наблюдавший за ней из кресла, поймал этот микроспазм. Взгляд девушки был устремлен не на бриллиант. Она смотрела на свою руку — на синеватую вену, проступающую под тонкой кожей.

Это длилось долю секунды. Затем мышцы лица расслабились. Анна глубоко, незаметно вдохнула. Расправила плечи. И протянула руку дальше, позволяя управляющему беспрепятственно надеть ободок.

Кольцо скользнуло на палец. Матовая платина скрыла старую мозоль от ручки Parker.

Символ рабства сел идеально.

— Сидит как влитое, — профессионально оценил Илья. — Можно выгравировать дату?

— Нет, — отрезал Максим, вставая. — Дата свадьбы плавающая. Будет зависеть от готовности фундамента на объекте «Горизонт». Расплачиваемся картой. Доставку оригиналов документов моему нотариусу организовать курьером к семи утра.

Он положил черную American Express Centurion на стол. Краем глаза он видел, как Анна смотрит на свою новую конечность. Пальцы здоровой руки нервно поглаживали холодный металл. Не любовно. Изучающе. Как хирург изучает имплант перед установкой.

— Приятного вечера, господа, — расцвел Илья Борисович, принимая терминал. — Congratulations.

— Спасибо, — кивнул Максим. — Сабурова, идем. Машина ждет.

Они вышли обратно в ночь. Охрана сомкнула строй.

Сев в машину, Максим нажал кнопку перегородки.

— Леонид, в офис. Мне нужно поработать. Анне — минералки. И откройте бардачок. Там новая пачка Kent. С ментолом. Вашей героине нужен никотин, чтобы не сойти с ума до среды.

Анна молча взяла бутылку воды. Открутила крышку. Зубы стучали о стекло. Она сделала жадный глоток.

— Вы правда заставите меня мыть посуду? — спросила она внезапно. Голос звучал сипло.

— Если увидите грязную тарелку в особняке — вымойте, — серьезно ответил Максим. — Это добавит очков достоверности в опросах фокус-групп Аркадия Марковича. Люди любят, когда богатые страдают от бытовухи.

— Вы больной, — выдохнула она, закрывая глаза и откидываясь на подголовник.

— Я застрахован, — парировал он, открывая ноутбук. На экране открылся план рассадки гостей на презентации «Тихой Гавани». Место справа от него, место почетной гостьи, было отмечено красным маркером. Напротив стояла жирная галочка и приписка Елены Петровны: *«Штейн настаивает на статусе "супруга", а не "невеста"».*

До субботнего ужина с семьей Измайловых оставалось менее сорока восьми часов. Фарфоровая кукла ждала в засаде.

Максим погрузился в расчеты дебиторской задолженности подрядчиков. Сон отменялся. Биомеханика высшего порядка требовала смазки в виде двойного эспresso и абсолютного истощения нервных клеток.

****Часть 4. Фабрика клонов (Резиденция в Серебряном Бору. Время: 09:00 следующего дня)****

Утро началось не с будильника, а с запаха свежесваренного ристретто и щелчка лопастей дрона. Максим открыл глаза ровно в 07:00, как делал это последние пятнадцать лет. Автоматические шторы разъехались, обнажая сосновый бор. Воздух, подаваемый системой климат-контроля, имел температуру ровно двадцать один градус и влажность сорок процентов.

Он принял контрастный душ, облачился в спортивный костюм Loro Piana (стоимостью как поддержанный Ford Focus) и спустился в тренажерный зал. Сорок минут интервального бега на дорожке, тридцать минут работы с железом. Боль в мышцах была единственным доступным ему способом верификации собственного существования.

В 08:45 он вошел в столовую. Елена Петровна уже сидела там с планшетом. Выглядела она так, словно всю ночь занималась перегруппировкой танковых дивизий, а не организацией быта новой жилички.

— Доброе утро, Максим Леонидович, — поздоровалась она, не отрывая взгляда от экрана. — Докладываю обстановку. Объект доставлен в 02:15 ночи. Реакция на смену локации: контролируемая истерика длительностью семнадцать минут. Потребляла алкоголь из минибара (один миниатюрный Johnnie Walker Blue Label). Результат нулевой — бутылка распечатана, жидкость не тронута. Курит одну сигарету в час. Спала три часа сорок минут. Проснулась в 07:30. Потребовала щетку для обуви и уют.

— Хороший знак, — кивнул Максим, намазывая обезжиренный творог медом. — Трудоголизм лечит экзистенциальный кризис лучше психоанализа. Что с гардеробом?

— Первая партия прибыла в 06:00. Ателье Maison Kiton, Brunello Cucinelli, Max Mara. Стилист рвет на себе волосы. Девица отказывается носить бежевый, утверждая, что выглядит в нем как покойник. Требуется темные тона и структурированный крой. Пыталась отказаться от шубы.

— Норка? — уточнил Максим.

— Соболь. Русская выделка. Цена вопроса полтора миллиона.

— Вернуть соболя. Купить качественное драповое пальто Мах Мага темно-синего цвета. Бюджет — двести тысяч. Если она хочет выглядеть как судебный пристав, дайте ей выглядеть как главный судебный пристав России. Обувь — Tod's или любые мокасины без каблука. Нам не нужны жертвы моды, нам нужен свидетель обвинения в зале суда.

Максим закончил завтрак ровно в 09:00. Нажал кнопку внутренней связи.

— Анна Викторовна, спускайтесь. Через десять минут ждем стилиста. У нас график.

Она появилась спустя одиннадцать минут. Ровно столько, сколько требуется, чтобы проявить минимальную степень неповиновения, не наравшись на штраф.

Вчера ночью она сменила их дизайнерское платье на простую черную водолазку и джинсы. Джинсы были явно малы — ткань болезненно перетягивала талию. Вид у нее был помятый, но собранный. Во взгляде читалась тяжелая артиллерия юриста, готовящегося к проигрышному процессу.

— Доброе утро, господин Воронов, — произнесла она ровным голосом. — Госпожа секретарь. Барс освоил лоток. Пришлось передвинуть его кресло, иначе он гадит на документы.

— Кресло останется на месте, — невозмутимо ответил Максим. — Лоток перенесите. Антропологи утверждают, что нарушение территориальных границ животным снижает уровень кортизола у хозяина. Держите свой стресс при себе, Сабурова. Или оплачивайте аренду кресла из своего кармана.

В столовую вошла женщина-стилист с лицом агента спецслужб. За ней ассистенты катили стойки с одеждой, укутанные в полупрозрачный пластик.

— Господа, — бодро начала она. — Тема сегодняшнего дня: «Интеллектуальная власть». Мы одеваем женщину, которая управляет процессами, а не влагалищем. Забудьте про облегающее. Забудьте про вырезы. Забудьте про цвет.

— Наконец-то хоть кто-то разумный, — буркнула Анна, падая в кресло.

Следующий час превратился в конвейер. Сабурову крутили, вертели, закалывали булавками. Стилист работала быстро, четко, без сантиментов.

Отвергнуто: всё, что касалось пастельных тонов, шифона, рюшей и высоких шпилек.

Утверждено:

1. Брючный костюм-двойка Tom Ford глубокого графитового цвета. Прямые брюки, скрывающие обувь. Жакет с жесткой линией плеча.

2. Шелковая блуза цвета мокрого асфальта.

3. Тренч Burberry классическая длина, цвет хаки.

4. Сумка-конверт Bottega Veneta плетеная, вместительная, без логотипов.

5. Часы Omega Speedmaster (выданы из личной коллекции Максима как временный реквизит).

Когда последнюю булавку вынули из шва, Анна посмотрела на себя в зеркало в полный рост.

Из зеркала на нее смотрела другая женщина. Худая, высокая, с убийственным взглядом из-под челки. Дорогая

****Часть 5. Анатомия взгляда (Резиденция в Серебряном Бору, продолжение)****

...Дорогая ткань не лечила ни кредитную историю, ни бессонницу, но она меняла центр тяжести. Анна Сабурова привыкла носить на плечах бетонную плиту долгов и судебных исков; теперь же жесткий каркас жакета Tom Ford держал ее позвоночник принудительно прямо. В отражении зеркала больше не было загнанного юрисконсульта из «ТрансЛогистик». Там стояла женщина, способная разорить корпорацию одним грамотно составленным ходатайством.

Максим подошел к зеркалу, встав рядом с ней. От него пахло озоном после душа, дорогим одеколоном и несгибаемой волей. Он окинул ее фигуру взглядом оценщика недвижимости — сканирующим, лишенным мужского интереса, фиксирующим лишь ликвидность актива.

— Ботинки смените, — бросил он стилисту. — Эти Prada скрипят при ходьбе. Звук должен быть глухим. Тяжелым. Как удар судейского молотка. Купите ей челси ручной работы на тяжелой подошве. Черные. Без блеска.

— Максим Леонидович, это убьет линию ноги! — возмутилась стилист.

— Мне не нужна линия ноги, мне нужен стук копыт Цербера, — отрезал Воронов. — Мы идем не на свидание, мы идем доказывать совету директоров, что я способен контролировать хищника. Хищник не носит шпильки по брусчатке.

Он перевел взгляд на Анну. Их глаза встретились в отражении. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга поверх невидимой линии демаркации.

— Улыбнитесь, — приказал Максим.

Анна приподняла уголки губ. Это была гримаса вежливого продавца-консультанта, который хочет, чтобы вы поскорее ушли из бутика.

— Не так. Вы улыбаетесь человеку, которому только что отказали в реструктуризации долга. А должны улыбаться женщине, чей муж купил ей клинику. Вспомните лицо вашей матери сегодня утром. Тот прибор пищал ровнее, когда вы вошли. Сыграйте благодарность. И каплю влюбленности. Не переигрывайте. Биомеханика счастья требует микронапряжения мышцы *zygomatiscus major* и легкого расслабления круговой мышцы глаза. Иначе получится эпилепсия.

Анна сглотнула. Ее зрачки расширились от ненависти, затопившей радужку почти полностью. Но затем случилось нечто странное. Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох, как перед прыжком в ледяную воду, и открыла их снова. Страх ушел глубже, уступив место абсолютной пустоте профессионализма. Лицо разгладилось. Губы смягчились. Взгляд потеплел ровно на два градуса Цельсия — идеальная температура для камеры Vogue.

— Так лучше? — тихо спросила она.

Максим позволил себе едва заметный кивок. Для нее это был эквивалент бурных аплодисментов.

— Приемлемо. Репетируем походку. Пять метров до окна и обратно. Руки свободно. Не машите ими. Представьте, что между ваших лопаток воткнут лом. Если уроните его — штраф десять тысяч.

Следующие сорок минут превратились в издевательство над гравитацией. Елена Петровна молча делала пометки в планшете: *«Коэффициент обучаемости высокий. Психотип: перфекционист-невротик. При жестком прессинге уходит в "холодный режим", истерики купируются через сарказм»*.

В 10:30 в холле раздался низкий рокот двигателя. Стих. Хлопнула дверца автомобиля.

— Время пошло, — Максим посмотрел на свои Patek Philippe. — Через двадцать минут мы выезжаем. Сабурова, ваша легенда на сегодняшний день: вы моя личная юридическая кон-

сультантка по делу о банкротстве застройщика «Горизонт». Мы встречаемся с архитектором. Держитесь слева от меня на полшага. Говорите только тогда, когда вас спросят. Если Штейн попытается пожать вам руку — подайте ему левую. Суеверные старикашки боятся левой руки, она сбивает им фэншуй капитала. Вопросы?

— Что делать, если кто-то предложит мне шампанское? — сухо уточнила Анна. — Мой контракт запрещает алкоголь без вашего письменного согласия, а пункт о неразглашении суммы сделки карает за пьяные откровения расстрелом.

— Скажет, что принимаете антибиотики, — вмешалась Елена Петровна, не поднимая головы. — Или готовитесь к ЭКО. Второе вызовет умиление у жен акционеров, первое — безразличие. Выбирайте второе, оно короче произносится.

— Принято, — кивнула Анна. — Кот остается здесь?

— Барс переходит на казенное довольствие, — ответил Максим. — К нему приставлена сиделка. Инструкции по кормлению Royal Canin написаны на трех листах. Если он сдохнет от тоски — кремируем за счет корпорации, урну выдадим после развода. Собирайтесь.

****Часть 6. Поле боя: Башня «Федерация» (Ресторан «Высота», 12:15)****

Кабина панорамного лифта скользила вверх по стеклянному желобу башни «Восток». Город остался внизу грязно-серой картой, расчерченной нитями рек и пробками. Здесь, на высоте птичьего полета, Москва выглядела спроектированной. Упорядоченной. Идеальной моделью для девелопера.

Анна стояла, прижавшись лбом к холодному стеклу. Несмотря на костюм стоимостью в годовую зарплату всего юридического отдела ее бывшей фирмы, несмотря на тяжелый шелк подкладки, ее бил мелкий, незаметный со стороны озноб. Адреналиновый тремор.

Рядом стоял Максим. На нем были темно-синий кашемировый свитер и брюки слоновой кости. Никаких галстуков. Никакого дресс-кода корпоративного тирана. Образ уставшего интеллектуала, владельца заводов и пароходов, которого обстоятельства вынуждают пачкать руки об этот бранный мир. Легенда работала безупречно.

Лифт мягко остановился. Двери разъехались, открывая залитый солнцем зал ресторана «Высота». Тихий джаз, звон хрусталя, шепот людей, решающих судьбы континентов.

Метрдотель склонился в почтительном поклоне:

— Господин Воронов, Аркадий Маркович уже ожидают вас. Игорь Борисович задерживается на пять минут, звонок из Администрации Президента.

— Начинайте без нас, — кивнул Максим. — Мы ждем госпожу Измайлову. Проводите нас к столику Штейна.

Аркадий Маркович Штейн сидел у самого окна. Сухой, похожий на старого седого грифа, одетый в твид Bìoni, который стоил дороже квартиры Анны в Бирюлёво. Перед ним стояла чашка чая с лимоном. Лимон лежал на блюде отдельно — Штейн всегда проверял качество фарфора перед тем, как испортить напиток цитрусовым соком.

При виде Максима старик оживился. Его глазки-бусинки впились в спутника Воронова.

— Максим, душа моя! — пропел он высоким, чуть дребезжащим голосом, протягивая сухую, похожую на куриную лапку руку. — Я уж думал, вы опять опоздаете ради спасения мировой экономики. А вы вовремя. И выглядите... человечно. Этот свитер вас молодит лет на пятнадцать. Кто научил?

— Желание выжить в совете директоров, Аркадий Маркович, — Максим пожал руку. Хватка старика все еще была стальной. — Позвольте представить. Анна Викторовна. Мой новый руководитель юридического департамента по спецпроектам. Закрывает вопросы банкротства «Горизонта».

Штейн перевел взгляд на Анну. Оценивал долго, неприлично долго для светской беседы. Смотрел не на лицо, а на запястья, на посадку пиджака, на отсутствие обручального кольца (которое сейчас лежало в сейфе Елены Петровны вместе с мужским).

— Юридический департамент, значит, — проскрипел старик, наконец отпуская руку Максима и переводя взгляд на пустой стул напротив себя. — Садитесь, деточка. Спина прямая, подбородок выше. Хорошие юристы нынче редкость. Все пошли в блогеры да в инфоцыгане. А законы читать некому.

Анна села. Движение было отработано час назад в гостинной резиденции: колени вместе, спина идеально ровная, кисти рук лежат на коленях ладонями вниз.

— Блогинг плохо индексируется в арбитражном суде, господин Штейн, — ответила она. Голос звучал ровно, профессионально. Ни тени волнения. Только легкий налет академической усталости. — Инфоцыгане нарушают статью сто пятьдесят девять УК РФ, а я предпочитаю работать в правовом поле.

Старик довольно хмыкнул, промокнув губы крахмальной салфеткой. Попытка прощупывания границ дозволенного провалилась. Девушка знала Уголовный кодекс и не боялась использовать его в застольной беседе.

— Остроумно, — кивнул Штейн. — Максим, где вы ее прятали? В библиотеке Ивана Грозного?

— Искали везде, кроме очевидного места, — уклончиво ответил Максим, подавая знак официанту. — Анна, закажи что-нибудь безопасное. Рыбу на пару. Без соусов. Нам предстоит тяжелая вторая половина дня.

Официант положил перед Анной меню в кожаном переплете. Она открыла его, скользнула глазами по ценам, которые превышали лимит ее старой кредитной карты за один ужин, и спокойно отложила папку.

— Морской язык на гриле. Масло отдельно. Бокал белого вина «Пуи-Фюиссэ» две тысячи восемнадцатого года. Глоток. Остальное будет стоять нетронутым для эстетики, — продиктовала она.

Максим удивленно приподнял бровь. Выбор был идеальным: вино достаточно дорогое, чтобы показать вкус, но недостаточно статусное, чтобы вызвать ревность мажоритариев. И формулировка про «глоток» выдавала человека, контролирующего каждый миллилитр жидкости в организме во избежание опьянения.

— Умница, — прошептал Максим одними губами, пока официант отходил.

За соседним столом началось движение. Охрана деликатно раздвинула струящиеся шелковые шторы приватности. К их секции приближался Игорь Борисович Кречетов. Человечек-функция. Серый костюм сливался с серым ковролином. Лицо цвета мокрого бетона не выражало ничего, даже раздражения от задержки. За ним, словно призрак, следовал его личный помощник с неизменным кожаным портфелем.

Кречетов сел. Положил руки на стол. Посмотрел сначала на Максима, потом на Анну. Его взгляд длился три секунды. Ровно столько времени требовалось суперкомпьютеру, чтобы прогнать биографию человека через фильтры ФСБ, Интерпола и закрытых банковских реестров Каймановых островов.

— Опаздываешь, Игорь, — лениво протянул Штейн. — Мальчик из Кремля тебя сильно мучил?

— Обсуждали инфраструктурные облигации, — бесцветным голосом ответил Кречетов. — Здравствуй, Максим. — Он перевел взгляд на Анну. — Госпожа...

— Воронов, — подсказала она, глядя ему прямо в глаза. Взгляд не дрогнул. — Анна Викторовна Воронов. Приятно познакомиться, Игорь Борисович. Читала ваш доклад о рисках дефолта в секторе коммерческой недвижимости на форуме ВТБ Капитал в прошлом году. Ваша модель оценки стресс-факторов излишне консервативна, рынок Юго-Восточной Азии дает погрешность плюс семь процентов к вашим прогнозам.

Воцарилась тишина. Было слышно, как далеко внизу сигналият машины.

Кречетов моргнул. Впервые за время знакомства с Максимом Вороновым аналитик-мажоритарий потерял дар речи. Девушка, которую привели как мебель или декорацию, только что провела публичный аудит его фундаментального труда. И попала в точку.

— Семь и две десятых, если учитывать волатильность юаня, — медленно произнес Кречетов. — Вы работаете в моем фонде?

— Я работаю там, где разрешит мой нынешний работодатель, — она легким кивком указала на Максима. — Сегодня мы закрываем дыру в бюджете «Горизонта». Завтра можем обсудить вашу азиатскую экспансию. Если Максим Леонидович подпишет командировку.

Максим откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Внутри него шла сложная химическая реакция. Смесь чистого, незамутненного восхищения высокотехнологичным оружием и холодного ужаса. Анна играла роль слишком хорошо. Она не просто соответствовала критериям отбора Елены Петровны — она превосходила их, превращаясь из спасаемого груза в равного игрока за этим столом. Акционеры любили интригу. И сейчас он давал им главную драму сезона: появление новой королевы.

Подали закуски. Штейн, оправившись от шока, решил вернуть себе контроль над ситуацией.

— Максим говорил, вы занимаетесь банкротствами, душенька, — начал он, намазывая масло на булочку. — Скучное дело. Распродажа чужого позора. Вот раньше купечество как делалось? Проиграл всё в карты — пошел и застрелился. Честь имею. А сейчас суды годами тянем. Людей жалко. Бизнес рушится.

— Люди сами рушат свой бизнес, Аркадий Маркович, — парировала Анна, аккуратно отделив вилок кусочек рыбы. — Когда ставят личные амбиции впереди маржинальности. Или когда доверяют подпись на платежных поручениях людям, которых видели дважды в жизни. Закон сохранения энергии работает и в экономике. Если где-то убыло бесконтрольно — значит, директор идиот, а главный бухгалтер вор. Третьего не дано.

Она говорила о своей собственной трагедии. О бывшем гендиректоре «ТрансЛогистик», скрывшемся в Дубае. О платежах, подписанных ею под давлением сверху. О конкурсном управляющем, жаждущем крови. Но голос оставался лекционным. Она препарировала свою боль, как лягушку на уроке биологии, лишая ее всякого права на сочувствие.

Кречетов смотрел на нее теперь иначе. Не как на угрозу или досадную помеху. Как на переменную X в уравнении, которая внезапно оказалась целым числом вместо иррационального дробного.

— Жестоко, — констатировал он.

— Эффективно, — поправила Анна. — Жалость стоит дорого и не приносит дивидендов. Хотите чаю? У них тут отличная сенча.

Максим наблюдал за этим обменом репликами, чувствуя, как по спине бежит предательский холодок. Проблема перестала быть управляемой. Он привел волка в овчарню, думая, что тот связан цепью. Но цепь оказалась золотой, а волк умел пользоваться ножом и вилок.

Телефон Максима завибрировал на столе. Сообщение от Маркелова (СБ). Текст: *«Объект Алиса прибыла в ресторан La Magee. Сидит одна. Заказала зеленый чай. Прослушка салона авто подтверждает: обсуждает с матерью твою презентацию. Настроение агрессивно-оптимистичное. Фраза: "Наконец-то папа дождется внуков". Конец связи».*

Максим перечитал сообщение трижды. «Внуков». Слово обожгло сетчатку.

Он поднял глаза. Штейн допивал свой чай, хитро шурясь на Анну. Кречетов делал пометки в смартфоне, синхронизируя их с какими-то своими базами данных.

Анна подняла бокал с вином. Посмотрела на игру света в золотистой жидкости. Сделала обещанный глоток. Поставила бокал. И впервые за весь обед посмотрела прямо на Максима.

Взгляд длился секунду. В нем не было благодарности за спасенную мать. Не было страха перед контрактом. Была спокойная, холодная констатация факта: *«Я знаю правила игры. И я играю лучше тебя».*

Максим почувствовал, как земля уходит из-под ног. Высота ресторана «Высота» вдруг показалась ему недостаточной. Ему захотелось выйти в открытый космос без скафандра.

— Господа, — сказал он, привлекая внимание акционеров. — Вернемся к цифрам. Проект «Тихая Гавань». График четыре точка один. Земля под застройку оформлена на кипрский оффшор, нам нужно перебросить активы на российское ООО до конца квартала, иначе налоговая нагрузка съест восемь процентов прибыли. Анна, поясни коллегам схему налоговой оптимизации, которую ты предлагала вчера вечером.

Анна повернулась к акционерам. Улыбнулась той самой идеальной улыбкой, которой учил ее стилист.

— Добрый день, господа. Суть схемы заключается в использовании льгот резидентов Свободного порта Владивосток в связке с амортизационной премией нового оборудования...

Ее голос заполнил пространство вокруг стола, вытесняя шум города. Она говорила о НДС, трансфертном ценообразовании и консолидированных группах налогоплательщиков так же легко, как другие говорят о погоде.

Акционеры слушали, раскрыв рты. Старая гвардия империи Воронова смотрела на хрупкую девушку в графитовом костюме и видела будущее. Будущее, которое не нуждалось в Максиме Воронове.

Фарфоровая кукла могла спать спокойно. Конкуренция пришла откуда не ждали. И эта конкуренция сидела справа от него, методично уничтожая кусок морского языка, попутно объясняя Игорю Кречетову, как правильно украсть миллиард у государства, не оставив следов.

****Часть 7. Фабрика клонов: Часть II (Суббота, 18:45. Подъезд жилого комплекса премиум-класса на Мосфильмовской улице)****

Дождь усилился, превратившись в плотную стену воды. Черный Mercedes-Benz S-class Pullman представительского класса затормозил у подземного паркинга. Водитель выскочил под ливень, раскрыл массивный зонт-трость и открыл заднюю дверь.

Мария Петровна вышла первой. В своем изумрудном платье от Elie Saab, с жемчугом в три ряда на морщинистой шее, она выглядела королевой-матерью. Оглядела мраморный холл критическим взором бывшего преподавателя истории КПСС.

— Темновато, Максютя, — прошептала она сыну, беря его под руку. — И пахнет хлоркой. В «Пушкине» духами пахнет. Историей.

— История пишется теми, у кого есть бульдозеры, мама, — тихо ответил Максим, передавая пальто гардеробщику. — Идем. Нас ждут.

Они поднялись на отдельном лифте на тридцать второй этаж. Двери открылись прямо в прихожую огромной квартиры.

Их встретил Игорь Измайлов — грузный мужчина с красным лицом добряка и глазами бухгалтера, считающего убытки. Рядом с ним стояла его жена — высокая блондинка с подтянутым лицом, натянутым так туго, что казалось, она боится улыбнуться, чтобы кожа не треснула.

— Машенька! Леонид! — распахнул объятия Игорь. — Бог мой, какая вы красавица! Платье — умереть не встать!

— Здравствуй, Игорь, здравствуй, Леночка, — Мария Петровна позволила себя обнять, бдительно следя, чтобы изумрудное платье не помяли. — Где ваше сокровище? Нервничает девочка?

— Да какое нервничает! — махнул рукой Игорь. — Сидит, графики какие-то смотрит в ноутбуке. Вся в отца покойного, царствие ему небесное. Труоголик. Алиса! Выходи, гости приехали!

Из глубины квартиры, из просторной гостиной с видом на Живописный мост, появилась она.

Алиса Измайлова.

Статистические данные досье гласили: рост метр семьдесят восемь, вес пятьдесят шесть килограммов, объем талии шестьдесят сантиметров. Фотографии ввали. Они не передавали того, как движется это тело. Каждый шаг Алисы был результатом многолетних занятий хореографией и йогой. Она не шла — она транслировала траекторию движения баллистической ракеты средней дальности: плавную, неотвратимую и смертоносную.

На ней было то самое изумрудное платье, о котором твердила мать. Шелк струился по фигуре, подчеркивая каждую линию, но оставаясь в рамках строгого приличия. Декольте намекало, но не предлагало. Бриллиантовые серьги-капли стояли как аппарат МРТ, стоящий сейчас в палате Марии Ильиничны. Прическа — волосок к волоску. Макияж — работа художника-портретиста.

Она остановилась в пяти метрах от Максима. Сложила руки в замок на уровне солнечного сплетения. Присела в легком, безупречном книксене.

— Добрый вечер, Максим Леонидович. Мама много рассказывала о вас. Надеюсь, путешествие не было утомительным.

Голос. Вот что было главным оружием. Низкое контральто с бархатными обертонами. Голос диктора Левитана, упакованный в тело ангела Victoria's Secret. Он проникал в уши минуя барабанные перепонки, сразу в мозг, вызывая реакцию безусловного доверия и желания подчиняться.

Максим взял ее руку. Холодную, сухую, с идеальным маникюром. Поцеловал воздух над костяшками.

— Взаимно, Алиса Игоревна. Рад знакомству. Ваша репутация опережает вас.

— Репутация — это лишь обложка книги, — улыбнулась она. Зубы были настолько ровными и белыми, что слепило глаза. — Главное — содержание. А судя по отчетности ГК «Воронцов Капитал», содержание у вас титановое. Пойдемте к столу? Папа заказал камчатского краба. Повара привезли специально из Владивостока.

Ужин начался с минного поля комплиментов. Игорь пил водку мелкими стопками и вещал о том, как они с покойным Леонидом Вороновым воровали лес (подавая это как «смелые предпринимательские решения»). Его жена молчала, нарезаая авокадо в салат с точностью хирурга. Мария Петровна млела, глядя на идеальный профиль Алисы.

Максим сидел как на допросе. Напротив него, через огромный стол из карельской березы, сидела совершенная машина. Программа «Идеальная жена версии 2.0».

Алиса ела краба специальными приборами. Разделявала панцирь с ловкостью патологоанатома, не испачкав ни единого пальца. Поддерживала разговор о макроэкономике. Делала вид, что пьет белое вино (бокал оставался полным). Периодически бросала на Максима взгляды из серии «Глубокая заинтересованность»: слегка наклоняла голову, приоткрывала губы, фокусировала взгляд на его рту, когда он говорил.

Это была не женщина. Это был экзоскелет, обтянутый кожей.

— ...таким образом, внедрение блокчейна в логистику скоропортящихся продуктов снижает транзакционные издержки на четырнадцать процентов, — вещала Алиса, изящно промокнув губы салфеткой. — Ваш проект «Горизонт» страдает именно от неэффективности последней мили. Я бы рекомендовала пересмотреть контракты с субподрядчиками в пользу динамического тендера.

Максим смотрел на нее и видел код. Набор алгоритмов. Нейросеть, обученная на годовых отчетах Forbes и учебниках по стратегическому менеджменту.

Где-то на другом конце Москвы, в прокуренной студии или съемной квартире, Анна Сабурова наверняка сейчас сидит, сгорбившись над ноутбуком, грызет ручку и пишет очередное ходатайство, спасающее чьи-то деньги. От нее пахнет кофе, дешевыми сигаретами и страхом. Она настоящая. Кривая, колючая, живая.

От Алисы пахло деньгами, антисептиком и стерильной пустотой операционной.

— Алиса, — подал голос Максим, прерывая ее монолог о смарт-контрактах. — Почему вы до сих пор не замужем? При таких вводных данных очередь должна стоять от Твери до Красной площади.

Программа дала сбой на долю секунды. Правый уголок идеальных губ дернулся вверх на миллиметр сильнее расчетного. Взгляд стал на мгновение анализирующим. Она сканировала вопрос на предмет подвоха.

— Потому что брак — это слияние активов, Максим Леонидович, — ответила она, возвращая лицу маску очарования. — А большинство мужчин моего круга либо уже обременены токсичными пассивами в лице бывших жен, либо ищут домохозяйку. Я не умею печь шарлотку. Зато я умею оптимизировать налогообложение семейных трастов. Найти партнера с совместимым балансом сложнее, чем кажется.

— Баланс нашего семейного траста составляет около четырех миллиардов долларов, — ровным тоном сообщил Максим. — Активы диверсифицированы. Пассивы отсутствуют. Готовность к поглощению — сто процентов. Шарлотка не требуется. Требуется присутствие на публичных мероприятиях и отсутствие скандалов. Интересует предложение?

Игорь поперхнулся водкой. Его жена замерла с ножом над огурцом. Мария Петровна побледнела, хватая ртом воздух. Лицо Алисы осталось неподвижным, как поверхность замерзшего озера.

— Ваше предложение звучит как сделка M&A, — спустя паузу в три секунды ответила она. — Я изучу term sheet. Каковы условия выхода из сделки? Golden parachute предусмотрен?

— Брачный договор составлен лучшими юристами страны, — продолжил Максим, наслаждаясь звенящей тишиной. — Любая попытка претендовать на имущество сверх оговоренной компенсации влечет потерю всех бонусов. Срок контракта — два года испытательного срока. Далее пролонгация или дружественное расставание. Дети вносятся в реестр активов отдельным приложением по достижении консенсуса сторон.

Алиса смотрела на него долгим, тяжелым взглядом. Впервые за вечер программа «Идеальная жена» зависла. В прозрачных голубых глазах мелькнул чистый, неподдельный азарт биржевого трейдера, увидевшего недооцененный актив.

— Два года — малый срок для интеграции такого объема капиталов, — задумчиво произнесла она. — Налоговые последствия раздела имущества могут перекрыть синергию. Нужно считать эффективную ставку.

— Мои финансисты посчитают, — кивнул Максим. — Итак?

— Предварительное согласие дам завтра утром, после изучения проекта договора, — Алиса взяла бокал с водой. Сделала глоток. Рука не дрожала. — Ужин был восхитительным, Игорь. Спасибо. Максим Леонидович, проводите меня на террасу? Хочу подышать воздухом. Здесь немного душно от запаха денег.

Она встала. Остальные остались сидеть, парализованные сценой.

На открытой террасе, под секущим дождем и ветром, Алиса сняла туфлю и растерла затекшую ступню. Иллюзия богини рассыпалась, осталась просто очень уставшая молодая женщина.

— Вы сумасшедший, Воронов, — сказала она, глядя на огни города. — Жениться на мне назло системе? Или потому что мамочка одобрила?

— Я покупаю броню, — честно ответил Максим. — Фарфоровую. Титановая у меня уже есть, но она пугает моих инвесторов. Им хочется пасторали. Семейных ценностей. Вас. Вы производите впечатление надежности.

— Надежность стоит дорого, Максим, — она надела туфлю обратно. — Помимо доли в капитале, я хочу кресло в совете директоров наблюдателем. И бюджет на благотворительный фонд моего имени. Сто миллионов в год. Спасение редких видов амурских тигров отлично смотрится на первых полосах Financial Times рядом с новостями о вашем бетоне.

— Фонд одобрен. Кресло наблюдателя — после рождения первого ребенка, — торговался Максим.

— После свадьбы, — отрезала она. — Ребенок может и не случиться. Технология ЭКО не всегда успешна. А репутацию фонда нужно строить заранее. Идет?

Максим смотрел на дождь. Фарфор дал трещину. Изнутри этой куклы тоже торчали стальные шипы эгоизма. Они просто были другого дизайна, чем у него. Более глянцевые.

— Идет, — кивнул он. — Завтра в девять утра курьер доставит NDA и черновик брачного договора. Ознакомьтесь. Подписание в следующую среду. До среды соблюдаем режим светской хроники: два совместных фото в ресторане, одно посещение выставки современного искусства. Ничего личного.

— Поняла, — она прислонилась к холодному стеклу ограждения. — Кстати, Воронов. Та девушка-юрист, что была с вами вчера в «Высоте». Анна, если не ошибаюсь. Кречетов всю дорогу до дома пытал своего помощника, пытаясь найти ее контакты. Сказал, что уволит половину своих аналитиков и наймет ее на двойной оклад. Старик Штейн назвал ее «единственным мужчиной за этим столом». Будьте осторожны со своим юридическим департаментом. Кажется, вы создали Франкенштейна.

Холод дождя показался Максиму кипятком.

— Это просто наемный персонал, — процедил он.

— Конечно, — усмехнулась Алиса, поворачиваясь к двери. — Именно поэтому ваши акции выросли на полтора процента за те два часа, что мы ужинали. Рынок любит интересные сюжеты. Особенно если в них есть любовный треугольник между владельцем, железной леди и сломленной сироткой. Продолжайте шоу, режиссер. Билеты продаются прекрасно.

Она ушла внутрь квартиры, оставив его одного под дождем.

Максим достал телефон. Открыл мессенджер. Создал чат с Еленой Петровной.

Текст: *«Режим максимальной угрозы. Кречетов охотится за Сабуровой. Алиса знает о вчерашнем обеде. Пересмотреть протокол безопасности объекта "Анна". Установить круглосуточное наблюдение. Физическую защиту усилить вдвое. Запретить любые перемещения вне резиденции без моего личного приказа. И найди мне номер школы классического балета для взрослых. Меня срочно нужно научить держать спину».*

Война перешла в открытую фазу. На шахматной доске появились новые фигуры. И пешка, которую он планировал разменять в первом ходу, неожиданно начала ходить конем, угрожая королю противника.

Вечером того же дня, лежа в кровати своей стерильной спальни в Серебряном Бору, Максим смотрел в потолок. Сон не шел.

В кармане халата вибрировал второй телефон — старый iPhone, купленный вчера без регистрации на паспорт. Единственный человек, знавший этот номер, сейчас находился под охраной в клинике.

Сообщение от Анны состояло всего из двух слов и фотографии.

Фото: Больничная еда. Паровой омлет. Серый, унылый, полезный.

Текст: «Омлет пересолен. Барс передает привет. Когда привезете нормальную еду, начальник?»

Максим смотрел на экран. Уголок его губ дернулся в подобии улыбки. Впервые за долгие годы это была не маска хищника. Это была эмоция человека, предвкушающего хорошую партию в шахматы против достойного соперника.

Он набрал ответ:

«Завтра. Привезу краба из Владивостока. И книгу Сенеки. Тебе нужно развивать выдержку, адвокат».

Ночь опустилась на Москву окончательно. В одной части города в роскошной постели спала Алиса Измайлова, подсчитывая во сне налоги будущего мужа. В другой, свернувшись клубком на казенном белье, спала Мария Ильинична Сабурова, которой снилось, что ее дочь наконец встретила принца.

А между ними, в кабинете с окнами на ночной город, сидел Максим Воронов. Он правил пункты брачного договора для Алисы, добавляя туда строчку о полном аудите ее личных трат ежеквартально, и составлял список вопросов для допроса Анны Сабуровой о ее реальных навыках выживания в корпоративных войнах.

Сделка с дьяволом только начиналась. И дьявол чувствовал, что сам оказался на крючке.

Глава 3. Введение второго героя

****Часть 1. Анатомия потолка (Время: 08:47)****

Ева Лаврова проснулась не от звука будильника, а от глухого, влажного шлепка по лбу. Капля воды сорвалась с рыжего, разбухшего пятна на потолке — клякса расплзлась прямо над ее лицом за ночь, пробив дешевую китайскую пленку натяжного потолка. Вода была ледяной и пахла старой побелкой соседского санузла. Капля ударила точно в переносицу.

Она даже не вздрогнула. Рефлекс на внешние раздражители атрофировался еще год назад, когда арендодатель впервые сменил замок из-за просрочки платежа. Ева медленно села на краю своего подиума. Комната площадью девять квадратных метров представляла собой архитектурный саркофаг, собранный из бюджетных решений мебельных гипермаркетов. Подиум из сосновых щитов ИКЕА служил одновременно кроватью, шкафом и зоной психологической разгрузки: сверху тонкий матрас, продавленный до состояния географической карты ее нервных срывов, снизу — штабель картонных коробок с театральным реквизитом, старый шоссейный велосипед без переднего колеса и стопка книг, перевязанная бельевой веревкой.

На единственной стене, которую не съела черная плесень в углу у окна, вместо обоев висели афиши. «СИНИЙ ЗАНАВЕС», реж. А. Глебов, Центр им. Мейерхольда, эскиз; «ДЯДЯ ВАНЯ», подвальный театр «Синтез»; «МОРФИЙ», независимая площадка «Станция». Афиши держались на канцелярском скотче, пожелтевшем от времени и кухонной копоти. Это был музей несбывшихся надежд, каждая бумажка стоила ей месяца жизни на растворимой лапше.

В комнате стоял густой запах сырости, остывшего кофе и пыли. Единственным источником света служил экран умирающего смартфона, который всю ночь работал точкой доступа для ноутбука. Батарея показывала три процента.

Ева спустила ноги на пол. Голый линолеум обжег ступни холодом. Она дошла до двери, открыла ее и вышла в общий коридор коммуналки. Коридор напоминал декорации к фильму о постапокалипсисе: горы чужой обуви, чей-то разобранный двигатель на газетке, гирлянда сохнувших носков. Из кухни тянуло запахом пригоревшего лука и дешевого стирального порошка.

Она встала перед облупленной раковиной, включила воду. Зубная щетка стерта до состояния пластмассовой палочки. Паста самая дешевая, мятная настолько, что слезятся глаза. Ева смотрела на себя в треснутое зеркало над раковиной.

Лицо без грима выглядело пугающе настоящим. Кожа бледная, почти прозрачная, туго обтягивающая высокие скулы. Губы потрескались до крови — последствия дыхания через синтетический мех костюма пчелы вчера днем. Под глазами залегли синяки такого глубокого фиолетового оттенка, что никакой консилер из "Подружки" их бы не взял, только профессиональный театральный грим плотностью со штукатурку. Ей было двадцать пять, но сегодня утром, в тусклом свете лампочки Ильича, она выглядела на все сорок. Лицо человека, который слишком много знает о том, как выживать, и слишком мало — зачем.

— Доброе утро, неудачница, — тихо сказала она своему отражению. Голос был низким, с легкой хрипотцой курильщика, хотя сигарет с утра еще не было. Хрипота осталась после вчерашнего монолога Маши Прозоровой, который она кричала в пустой гулкий зрительный зал, пока режиссер пил матча-латте в кофейне напротив.

Вода текла тонкой ржавой струйкой. Ева умылась, вытерлась жестким вафельным полотенцем, которое стояло колом от плохой стирки. Нужно было вставать. Сегодня среда. До оплаты комнаты оставалось три дня. На карте лежало четыреста тридцать рублей. Свет отключат завтра, интернет уже заблокировали ночью. Соседка Лена, медсестра из реанимации Боткинской, наверняка оставила на столе макароны, но гордость всегда давала о себе знать именно в те моменты, когда желудок сводило спазмом.

Ева вернулась в комнату. Достала из-под мат джинсы. Плотная темно-синяя ткань, протертая на бедрах до белых ниток. Старая черная водолазка. Ботинки Dr. Martens, купленные на распродаже четыре года назад, когда она еще верила, что талант рано или поздно конвертируется в деньги.

Она натянула одежду резкими, злыми движениями. Каждое движение отдавалось болью в правом колене. Вчера на подработке аниматором в торговом центре «Калейдоскоп» ребенок лет восьми, разогнавшись самокатом, въехал ей точно в чашечку. Костюм ростовой панды сковывал движения, убежать она не успела. Контракт с агентством строго запрещал снимать голову костюма в присутствии детей во избежание "нарушения магического ореола бренда". Поэтому она два часа прыгала по детскому лабиринту, улыбаясь нарисованной пастью, пока внутри колена формировалась гематома размером с грецкий орех.

Телефон мигнул красным и выключился окончательно. Ева швырнула его на матрас. Звук удара прозвучал жалко.

Она подошла к окну. Стекло было грязным снаружи и запотевшим изнутри. За ним открывался вид на брандмауэр соседнего здания, покрытый граффити с трехэтажным фаллосом и надписью «ЦОЙ ЖИВ». Небо над Москвой было цвета мокрого асфальта. Низкое, придавливающее небо осени, которое высасывает остатки витамина D быстрее, чем организм успевает понять, что лето кончилось.

Ева прижалась лбом к холодному стеклу. Закрыла глаза. Если очень сильно зажмуриться, можно представить, что ты находишься не в девяти метрах социального дна, а в номере отеля

где-нибудь в Берлине. Там тоже сыро, но эта сырость стоит тысячу евро за ночь и пахнет дорогим парфюмом, а не мочой из подъезда.

Нужно было идти в театр. Репетиция в десять. Артур снова будет искать свет павшего ангела, которого нет в смете, и требовать обнажить душу, забывая выдать суточные на проезд. Но душа — это мышца. Ее нужно кормить белком и витаминами. Душа Евы Лавровой последние полгода питалась исключительно обидой и пустыми углеводами.

Она оттолкнулась от стекла. Натянула куртку — тонкую осеннюю ветровку, которая совершенно не спасала от ветра. Проверила наличие проездного в кармане. Метро придется проходить зайцем, перебегая через калитку для инвалидов — чип перестал работать месяц назад.

Перед выходом она остановилась. Вернулась к столу. Выдвинула ящик. Среди старых чеков, иголок и спутанных проводов лежала старая фотография. Потрепанный уголок, глянцевая бумага девяностых. Женщина с добрым, круглым лицом и усталыми глазами. Мать. Живет в Вышнем Волочке, работает сортировщицей на почте. Каждый месяц собирает крохи со своей пенсии, чтобы перевести дочери две тысячи рублей.

Ева знала: если она позвонит сейчас и скажет, что всё плохо, мать снимет эти деньги с книжки, отложенной на новые зубы, и пришлет. Поэтому телефон матери был записан под именем «Не открывать_Никогда».

Она положила фото обратно. Захлопнула ящик так, что подпрыгнули коробки.
— Работаем, — бросила она пустой комнате.

Щелкнул английский замок. Тяжелая железная дверь в коммуналку закрылась с лязгом гильотины, отрезая ее от единственного места, которое юридически считалось домом.

****Часть 2. Метаморфозы в подвале (Время: 10:15)****

Театр «Синтез» располагался в подвале бывшего доходного дома дореволюционной постройки. Чтобы попасть внутрь, нужно было пройти через общую парадную, пропахшую кошками и жареной рыбой, спуститься по лестнице, заваленной старыми оконными рамами, и трижды повернуть ключ в замке железной двери, обитой дерматином.

Как только Ева переступила порог, на нее обрушилась звуковая волна. Из репетиционного зала неслись истерические вопли режиссера Артура, смешанные с басами какой-то экспериментальной электроники.

— Это должен быть свет абсолютного экзистенциального вакуума! — орал Артур фальцетом. — Падший ангел смотрит на Содом! Он видит грех, он чувствует пепел на языке! А вы мне даете дежурку из районной поликлиники! Третий канал, я сказал! Желтый фильтр!

Пространство театра представляло собой сложную систему катакомб. Узкие коридоры, заставленные штанкетками, пыльными банками с засохшей гуашью и мешками с песком. Воздух здесь имел собственную плотность — смесь запаха старого дерева, канифоли, растворимого кофе "три в одном" и человеческого отчаяния. Кондиционеров не было, вентиляции — тоже. Летом здесь задохнулись бы крысы, зимой замерзла бы вода в трубах.

Ева прошла мимо гримерки. Оттуда доносился громкий спор двух стажеров:

— Я играла Электру в студии при Щуке! У меня база Станиславского!

— Да плевать на твою базу, тут нужен нерв улицы! Вадим сказал, приведешь массовку на читку — лишу премии!

Директор театра Вадим был человеком-пиявкой. Худой, вечно потный мужчина с бегающими глазками, одетый в дорогие кашемировые свитера, которые ему покупала жена — владелица сети салонов красоты. Вадим плакал на плече у каждого артиста, жалуясь на жадность арендодателя особняка и отсутствие государственных грантов, параллельно выводя бюджет постановки на офшорные счета своих родственников в Калмыкии.

Ева вошла в малый зал. Пространство метров в сорок, кирпичные стены выкрашены черной краской, потолок низкий — рослый человек мог достать до него рукой. На сцене, собранной из строительных лесов, метался Артур. Ему было двадцать восемь, он окончил какую-то модную европейскую школу режиссуры за папины деньги и теперь ставил «Трех сестер» Чехова «через призму травмы миллениалов».

— Евочка! — Артур развернулся на пятках дорогих кроссовок Balenciaga. Его лицо сияло нездоровым творческим возбуждением. — Ты опоздала на семь минут. Мой внутренний таймлайн нарушен. Мы теряем квантовый поток репетиции.

— Трамвай сошел с рельсов, кондукторша отказалась пускать бесплатно, пришлось перепрыгивать турникет, чуть не вырвало от духоты, — ровным голосом ответила Ева, сбрасывая рюкзак на пол. — Квантовый поток перенесли на следующую среду. Что у нас по мизансценам?

Артур проигнорировал сарказм. Для людей его склада реальности вроде трамвайных контролеров просто не существовало.

— Берем третий акт. Твоя сцена объяснения с Вершининым. Текст помнишь? — он сунул ей в руки распечатку, испещренную желтым маркером.

— Помню, — Ева опустилась на деревянный куб, служивший стулом. Колено пульсировало тупой, горячей болью. Она старалась не хромать.

— Отлично! — Артур всплеснул руками. — Тогда работаем! Где твоя боль, Ева? Где этот надлом? Маша Прозорова — это женщина, похоронившая себя заживо! Она продала свою молодость, свои мечты, свой голос этому ничтожеству Кулыгину ради миража стабильности! Она должна ненавидеть Вершинина! Ненавидеть так, чтобы убить его взглядом, когда он говорит про работу, работу, работу!

Он подбежал к ней вплотную. От него пахло жвачкой, тревогой и потом.

— Ты же понимаешь метафору? Работа — это энтропия! Это смерть духа! Ты смотришь на него и видишь свое будущее! Старую, никому не нужную училку географии в Вязьме! Давай! Дай мне эту энергию! Разрушь пространство!

Ева подняла на него глаза. В них не было ни капли покорности, которой ожидал увидеть режиссер. Только тяжелая, густая усталость.

— Артур, — тихо начала она. — Посмотри на мои ботинки.

Он непонимающе моргнул.

— На что?

— На обувь. Видишь трещины на коже? Этим ботинкам четыре года. Я чищу их вазелином, потому что крем для обуви купить не на что. Моя куртка промокает под первым дождем. Вчера в торговом центре меня ударили по колену самокатом, потому что я застряла в костюме вонючей панды, раздавая купоны на йогурт, чтобы оплатить аренду этой гробницы. Моя мать

в Вышнем Волочке собирает картошку на огороде, чтобы выслать мне двести рублей на метро. Какую часть из этого опыта мне использовать для создания образа «женщины, уставшей от работы»? Может, мне просто упасть и начать конвульсировать от истощения? Это достаточно авангардно для твоей заявки на грант «Золотая Маска»?

В зале повисла тишина. Две стажерки у пульта звукорежиссера замерли с открытыми ртами. Даже гул вентиляции, казалось, стих.

Артур покраснел. Краснота поползла от ворота его идеально сидящей футболки вверх, заливая шею и уши.

— Это... это манипуляция, Лаврова. Это бытовой реализм. Мы говорим о высоком искусстве. О символизме...

— Символизм оплачивает ипотеку, Артур, — перебила она. Она встала. Ростом она была ниже режиссера, но сейчас нависала над ним, как хищная птица. — Мне нужно поднять аренду до конца недели. Если я сейчас начну красиво страдать на этих лесах, это будут слезы Евы Лавровой, которая боится, что ее выставят на улицу вместе с велосипедом. А слез Маши Прозоровой здесь нет. Маша жила в обеспеченном доме военного доктора, ей не приходилось выбирать между электричеством и обедом. Так что либо мы работаем честно — ты даешь мне пять тысяч подъемных на антистресс, и я играю тебе хоть вакуум, хоть оргазм, либо ты идешь пить свой матча-латте и экономишь на сахарном сиропе, а я еду в агентство возвращать костюм пчелы. Выбирай. Время пошло.

Она демонстративно посмотрела на пустое запястье, где должны были быть часы.

Артур открыл рот. Закрыл. Оглянулся на стажерок, ища поддержки. Но девушки смотрели на Еву с нескрываемым обожанием — наконец кто-то дал сдачи их божеству.

Режиссер сглотнул. Его творческий эгоизм боролся с инстинктом самосохранения. Ева была лучшей актрисой в его труппе. Без ее нервной, болезненной органики спектакль развалится, как карточный домик. Гранты любят страдания, но подтвержденные дипломами престижных вузов. У Евы диплом ГИТИСа был лишь наполовину — ее отчислили на четвертом курсе за неуплату последнего семестра.

— Хорошо, — выдавил Артур. — Дам. Вечером. После прогона. Зайдешь в каморку.

— Купюры должны быть хрустящими, — кивнула Ева. — И чай. Черный. Два пакетика. Сахар отдельно. Начнем сцену?

Артур молча кивнул, отступая на безопасное расстояние. Он чувствовал, что только что заглянул в клетку с тигром, который притворялся дворовой кошкой ради тепла.

Ева глубоко вздохнула. Боль в колене никуда не делась, голод скручивал внутренности, но адреналин от выигранной стычки слегка прочистил мозг. Она сбросила куртку прямо на пол.

— Вершинин входит слева, — скомандовала она сама себе. — Свет. Дайте нормальный теплый контровой, хватит издеваться над диодами. Я хочу видеть тени. Настоящие тени.

Она шагнула на сцену. Закрыла глаза. Сделала вдох носом, задержала дыхание, выдохнула через рот. Метод, которому ее учили в институте: очистить аппарат от шелухи бытового раздражения. Использовать раздражение как топливо.

Когда она открыла глаза, Евы Лавровой больше не было. Была Маша. Уставшая, сломанная, но все еще способная любить нелепого учителя гимназии до саморазрушения.

Репетиция пошла.

****Часть 3. Костюм пчелы и крушение иллюзий (Время: 16:30)****

Из театра Ева вышла в половине третьего. Во внутреннем кармане куртки грели карман пять тысяч рублей — новенькие, пахнущие типографской краской купюры. Артур отдал их дрожащими руками, словно платил выкуп похитителям. Взгляд у него был затравленный. Ева чувствовала легкий укол совести, но быстро подавила его куском батона, купленного в палатке у входа в метро. Горячий хлеб пах свободой.

До следующей смены оставался час. Агентство «Праздник-Маркет», гордо именуемое себя «фабрикой детских эмоций», базировалось в промзоне на Волгоградском проспекте. Офис представлял собой контейнер, переделанный под раздевалку, пропитанный запахом хлорки и мужского дезодоранта Ахе.

Менеджер Виталик — мальчик с идеальным пробором и зубами, застрахованными на миллион долларов — сидел на перевернутом ведре и листал ленту соцсетей.

— Опаздываешь, Лаврова, — бросил он, не поднимая глаз. — Заказчик лютует. Йогурты привезли, дети визжат, твой выход через пять.

— Пробки, — коротко ответила Ева, направляясь к вешалкам с костюмами.

— Пробки платят штрафами, — ухмыльнулся Виталик. — Ладно, сегодня добрый. Держи. Обновленный дизайн.

Он кинул ей объемный сверток. Ева поймала его на лету. Внутри оказался костюм пчелы. Огромный, круглый, сделанный из искусственного меха кислотно-желтого и черного цветов. Голова-шлем весила килограммов восемь, выполненная из цельного пластика с узкими прорезями для глаз и встроенным вентилятором. Вентилятор давно сгорел.

— Почему он мокрый? — Ева понюхала рукав. В нос ударил сложный букет ароматов: кислый пот предыдущего аниматора, пролитое пиво и что-то тошнотворно-сладкое, похожее на блевотину.

— Клиент заказал интерактив, — пожал плечами Виталик. — Прошлый актер упал в обморок от перегрева, пролил на себя энергетик. Ничего, проветрится на ходу. Там атриум, сквозняк хороший. Главное правило помнишь?

— Не трахаться с охранниками ТЦ и не блевать в кадку с фикусом, — монотонно перечислила Ева, начиная стягивать джинсы.

— Именно. Фикус дорогой. Штраф — десять тысяч. Все, время вышло. Марш-марш.

Переодевание заняло рекордные три минуты. Комбинезон сходил с живота с трудом — размерная сетка агентства заканчивалась на цифре "S", а Ева после месяца питания заварной лапшой едва дотягивала до "XS". Мех лез в нос. Сапоги-чулки оказались малы на размер, сдавливая икры резиновыми жгутами.

Она нахлобучила шлем. Мир исчез. Остались только узкие щели обзора, тяжелый жар собственного дыхания, отражающегося от пластика, и оглушающий шум крови в ушах. Клаустрофобия сжала горло мягкими пальцами. Ева сделала несколько глубоких вдохов, прислоняясь к холодной стенке контейнера. Паническая атака на работе означала немедленное увольнение без выплаты залога.

— Спокойно, — прошептала она в микрофон гарнитуры, спрятанной в ухе. — Это всего лишь пластик. Это всего лишь шесть часов ада за две тысячи рублей. Ты пережила дефолт девяносто восьмого в утробе, ты справишься.

Она вышла на парковку. Августовская жара плавил асфальт. В костюме температура мгновенно подскочила до сорока градусов. Ева активировала моторчик, приводящий в движение пружинку с колокольчиком на кончике полосатого брюшка. *Дзынь-дзынь*. Механическая радость.

Торговый центр «Калейдоскоп» встретил ее кондиционированным раем и оглушающей музыкой из детского уголка. Популярный блогер-милашка пел песню про котиков. Сотня детей в возрасте от четырех до десяти лет носилась по мягкому полу игрового лабиринта, размазывая сопли и шоколад.

Ева вошла в атриум. Реакция последовала незамедлительно. Маленькая девочка в розовом платье заверещала от восторга:

— Мама! Пчелка! Настоящая!

Дети окружили ее плотным кольцом. Десятки липких рук тянулись к ее меховому боку. Кто-то дернул за хвост-пружинку. Кто-то попытался открутить ус.

— Привет, мои сладкие! — прогудел искаженный динамиком голос Евы. — А кто хочет попробовать новый чудо-йогурт?!

Она начала отработанную программу. Танец робота, переходящий в тверк (спина взывала от боли), раздача пластиковых стаканчиков с образцами, фотографирование. Каждые полчаса она уходила в техническую зону за фуд-кортом, стаскивала шлем буквально на тридцать секунд, подставляя потное лицо под струю холодного воздуха из вытяжки, глотала воду из бутылки и снова ныряла в пластиковое пекло.

К пяти вечера силы закончились. Глюкоза в крови упала до критического минимума. Колено опухло так, что сапог-чулок врезался в кожу. Перед глазами плыли черные точки.

Она стояла у стойки промо-стойки, механически тряс горшочком с семенами чиа, которые рекламировались как "энергия древних богов". Дети выстроились в очередь. Очередной мальчик, лет семи, нетерпеливо топал ногой.

— Ну долго еще? — капризно протянул он. — Папа сказал, если не дадут игрушку, он уйдет.

Его отец, холеный мужчина в льняном костюме ценой в Евину годовую зарплату, стоял рядом, уткнувшись в iPhone последней модели. Он даже не смотрел на сына.

Ева наклонилась к мальчику. Шлем ограничивал обзор, поэтому она не заметила металлическую ножку самоката, торчащую из корзины коляски младшего ребенка того самого мужчины. Она сделала шаг назад, споткнулась.

Удар был сухим, страшным. Боль выстрелила от колена вверх до самого мозга, выбивая искры из глаз даже сквозь пластиковые прорези. Ева рухнула на одно колено. Семена чиа рассыпались по мраморному полу золотой дорожкой.

— Ай! Эта корова меня толкнула! — взвизгнул мальчик, хотя Ева даже не задела его.

Отец наконец оторвался от телефона. Посмотрел на Еву сверху вниз. Презрение в его взгляде было таким густым, что его можно было намазывать на хлеб.

— Ты чего тут расселась, животное? — процедил он. — Людям проход загораживаешь. Виталь, разберись со своим цирком. Нас позвали на премиальную дегустацию, а тут грязь разносят.

Виталик материализовался мгновенно. Он подскочил к Еве, схватил за предплечье жесткой хваткой.

— Вставай, Лаврова. Хватит симулировать. Клиент недоволен.

— Я... я встать не могу, — прохрипела Ева сквозь маску. Голова кружилась. — Меня ударили... по колену...

— Это твои проблемы, — Виталик дернул ее вверх. Боль была такой ослепительной, что Ева вскрикнула. Звук вышел механическим, кукольным. — Нам рейтинг портить нельзя. Иди работай. Или залог аннулирую.

Он толкнул ее обратно в толпу детей. Ева качнулась. Мир сузился до белой вспышки боли. Она оперлась о стойку. Руки в толстых перчатках дрожали.

В этот момент к ней подошел тот самый администратор торгового центра — безупречный юноша в форме с бейджиком "Служба контроля".

— Так, аниматор, ко мне поступила жалоба, — начал он скучающим тоном, глядя куда-то поверх головы Евы. — Женщина из отдела мужской парфюмерии утверждает, что ты оскорбила ее клиента. Прямым текстом послала.

Ева медленно сняла одну перчатку. Рука под ней была серой от грязи и липкой от пота. Она потеряла переносицу. Запах собственного тела в замкнутом пространстве шлема вызывал рвотные позывы.

— Что именно я сделала? — спросила она. Голос звучал ровно, почти равнодушно. Профессиональная деформация актера — играть спокойствие, когда хочется грызть бетон. — Подула в свисток слишком громко? Или мой пчелиный зад перекрыл ему вид на витрину с трусами?

— Клиент был с женой, — невозмутимо продолжил администратор. — Ты посмотрела на него слишком выразительно. Корпоративный кодекс агентства «Праздник-Маркет» гласит: пункт 4.12, сексуализированный контакт взглядов персонала с посетителями карается штрафом. Ты портишь имидж натурального йогурта.

Ева молчала секунду. Она смотрела на его идеальный узел галстука. Потом медленно, очень медленно стянула с головы тяжелый пластиковый шлем. Жаркий воздух атриума ударил по лицу, охлаждая пылающую кожу. Мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Выразительно, значит, — повторила она. — Через забрало шириной в ладонь. Игорь, посмотри на меня. — Она ткнула пальцем в свой костюм. — Я похожа на гигантский желтый презерватив с крыльями. От меня несет псиной и валокордином, потому что сердце сейчас выпрыгнет наружу. Какой, к чертям собачьим, сексуализированный взгляд? Этот ваш клиент дышал на меня перегаром и пытался облапать за талию, пока его благоверная нюхала тестеры Chanel. Я отошла на два метра согласно вашей же инструкции по технике безопасности, чтобы он не прожег мне искусственный мех зажигалкой Zippo.

— За хамство должностному лицу и клевету на уважаемого покупателя... — начал Виталик, выступая вперед.

— Заткнись, Виталик, — оборвала его Ева. Впервые за день в ее голосе зазвучал металл.
— Просто захлопни свою пасть.

Она перевела взгляд на администратора.

— Знаешь, что самое смешное? Вы нанимаете актеров с профильным образованием, платите нам копейки, одеваете в биологические отходы и требуете эмпатии уровня Матери Терезы. А когда человеку физически плохо, вы штрафуете его за то, что он недостаточно искренне страдает. Забавно. Почти как Беккет.

Она отстегнула нагрудный карман комбинезона. Достала оттуда сложенный вчетверо бланк увольнения. Положила его на стойку с семенами чиа.

— Я увольняюсь. По собственному желанию. Прямо сейчас. Трудовую можете отправить голубиной почтой в ад. Костюм заберете сами, я в этом ехать в метро отказываюсь — иначе ваши продажи йогурта упадут окончательно, когда пассажиры вызовут санэпидемстанцию и МЧС.

Она развернулась. Толпа детей расступилась перед ней, как Красное море перед Моисеем. Они чувствовали исходящую от нее темную, взрослую угрозу. Ева шла к выходу из атриума, неестественно прямо, высоко держа голову. Каждый шаг отдавался взрывом боли в колене, но она продолжала идти.

Она вышла на улицу. Солнце уже садилось, окрашивая Москву в цвет запекшейся крови. Ева привалилась к колонне центрального входа. Сорвала с шеи гарнитуру связи, провода больно дернули мочку уха. Она швырнула наушники в урну.

Достала сигареты. Чиркнула зажигалкой. Руки ходили ходуном. Табак показался самым вкусным, что она пробовала за последние годы.

Первая глубокая затяжка вызвала легкое головокружение. Вторая принесла покой.

Залог в агентстве составлял семь тысяч. Пятерку забрал Артур. На карте минус. Денег на такси нет. До дома — три пересадки на метро, включая ненавистную пересадку на Таганской в час пик.

Ева докурила до фильтра, обжигая пальцы. Окурок полетел в сторону.

— Свободна, — сказала она вслух ночному городу.

Впервые за весь день она улыбнулась. Улыбка была горькой, кривой, но абсолютно искренней.

****Часть 4. Ритуал выживания (Время: 20:00)****

Дорога домой превратилась в полосу препятствий. Проехать зайцем удалось только один раз — на станции «Текстильщики» охрана выловила ее у турникетов. Пришлось отдать последние наличные — сотню рублей мелочью, звеневшей в кармане, как в детской копилке. Мелочи хватило на билет до Курской. Дальше — пешком, срезая дворами.

Район встречал ее привычной враждебностью. Окна горели теплым электрическим светом — там люди ужинали, смотрели телевизор, ругались из-за невымытой посуды. Нормальная жизнь протекала параллельно Еве, никогда с ней не пересекаясь.

Замок на двери в квартиру поддался не сразу — язычок заело. Ева ударила по двери плечом раз, другой. Дерево затрещало, и створка распахнулась, ударившись о стену. Темнота

в прихожей была плотной, осязаемой. Ни щелчка холодильника, ни гула компьютера. Свет отключили, как и обещали.

Из кухни тянулся слабый луч света от экрана чужого смартфона. Ева разулась, оставляя на паркете грязные следы. Прошла на кухню.

На столе, накрытая перевернутой пиалой, стояла тарелка. Макароны по-флотски. Рядом лежала вилка, обернутая бумажной салфеткой, и записка, прилепленная магнитом в виде дохлой селедки.

«Свет вырубили, фашисты. Ешь, пока горячее. Деньги отдашь, когда сможешь. Только не вешайся, твою мать, на трубе в ванной, а то менты мне весь санузел затопчут, мне потом Лизку-риэлторшу неделю откачивать. Ленка».

Ева почувствовала, как спазм в горле отпускает. Лена. Медсестра-анестезиолог, пахнувшая спиртом и усталостью. Человек, который видел смерть каждый день и поэтому ценил любую форму жизни, даже такую ничемную, как актриса погорелого театра.

Ева села за стол. Есть хотелось так, что темнело в глазах. Она схватила вилку, поддела холодный, склизкий кусок макаронины. Сунула в рот. Вкус был божественным. Мясо, лук, черный перец. Обычная еда рабочего класса вдруг показалась ей деликатесом из мишленовского ресторана. Она ела быстро, жадно, не чувствуя вкуса, просто набивая желудок массой, которая перестанет делать дыру в солнечном сплетении.

Покончив с едой, она откинулась на спинку стула. Тяжесть в желудке принесла физическое удовлетворение. Теперь можно было позволить себе слабость.

Она достала телефон. Экран вспыхнул, освещая ее лицо мертвенно-синим светом. Три процента заряда. Двадцать четыре пропущенных вызова от агента Сергея («Где костюм?! Ты знаешь, сколько он стоит?! Я тебя уничтожу!»). Три сообщения от Артура (*«Ты перешла границы, Ева. Я думал, мы семья»*, *«Деньги будут в пятницу, может быть»*, *«Прости, я мудак»*).

Ноль сообщений от друзей. Потому что друзей не осталось. Были собутыльники по несчастью, коллеги по выживанию. Дружба требует ресурса — времени, внимания, денег на кофе. У Евы не было лишнего ватта энергии даже на то, чтобы ответить на сообщение.

Она открыла галерею. Листнула вверх. Фотография мамы. Лето, огород, Вышний Волочек. Мать сидит на перевернутом ведре среди картофельной ботвы, смеется, щурясь на солнце. На руках мозоли.

Ева увеличила изображение. Рассмотрела каждую трещинку на родных пальцах. Сердце сжалось тугим, горячим комком.

Если мать узнает, что дочь спит в темноте и ест подачки соседей, она продаст корову. Продаст дом. Приедет в Москву, начнет мыть подъезды. Ева скорее отрежет себе руку, чем допустит это.

Она решительно удалила фотографию из галереи. Стерла номер из быстрого набора. Любовь на расстоянии — это роскошь, которую она больше не могла себе позволить. Пока она не встанет на ноги, мама живет в счастливом неведении.

Ева встала. Прошла в свою комнату. Открыла окно — впустить немного ночного воздуха. Ветер принес запах мокрого асфальта и далеких поездов с Курского вокзала.

Она села на край подиума. Достала из рюкзака бутылку дешевого красного вина — "Каберне" из пакета, купленную впрок на случай полного апокалипсиса. Нашла на дне рюкзака старую железную кружку.

Откупорила вино зубами. Налила половину. Выпила залпом. Спиртное теплой волной прокатилось по пищеводу, ударило в голову. Алкоголь всегда действовал на нее стремительно, сжигая предохранители.

Она закурила. Глубокий дым ментоловой сигареты обжег легкие. Голова приятно поплыла.

Ева подтянула колени к груди, обхватила их руками. Уставилась в темноту за окном.

Сегодня она потеряла две работы. Профукала залог. Испортила отношения с единственным режиссером, который давал ей играть главные роли. Осталась с долгом в двенадцать тысяч за жилье и полным отсутствием перспектив.

Но странное дело — страха не было. Было холодное, звенящее облегчение. Словно она только что сбросила с плеч тяжелый рюкзак с камнями, который таскала годами.

Она пыталась быть удобной. Для Артура, который хотел красивую картинку страданий. Для клиентов ТЦ, которым нужна была радостная зверушка. Для системы, которая требовала лояльности в обмен на право дышать.

Больше не нужно.

Докурив, она затушила сигарету о подошву ботинка. Встала. Пошла в ванную. Включила воду в раковине, подсвечивая себе телефоном. Умылась ледяной водой до тех пор, пока кожа не загорелась огнем. Протерла лицо спиртовой салфеткой.

Посмотрела на себя в зеркало над раковиной.

На нее смотрела ведьма. Растрепанная, с размазанной гигиенической помадой, с лихорадочным блеском в глазах. Пугающая. Свободная.

Ева вернулась в комнату. Упала на матрас. Закинула руки за голову.

Сон не шел. Организм, получивший топливо, перешел в режим боевой готовности. Мозгу требовалась задача. План спасения.

Она взяла телефон. Разблокировала экран.

Открыла браузер. Набрала в поиске: "Работа срочно Москва без опыта высокая оплата".

Пролистала вакансии курьеров. Расклейщиков. Тайных покупателей. Мерзость. Платят копейки, требуют здоровья, которого нет.

И тут палец замер. Баннер контекстной рекламы в ленте новостей. Обычно она их смахивала автоматически, но этот зацепил глаз формулировкой.

«Требуется актриса драматического плана / ассистент руководителя для конфиденциального проекта. Гонорар обсуждается индивидуально. Полная анонимность гарантируется NDA. Интим исключен контрактом. Требования: интеллект, выдержка, готовность к нестандартным сценариям. Резюме отправлять текстом».

Ни названия компании. Ни имени заказчика. Только чат-бот с коротким номером.

Ева приподнялась на локте. Хмель моментально выветрился, оставив после себя ясную, звенящую пустоту.

Гонорар "обсуждается индивидуально" в таких объявлениях обычно означал либо торговлю органами, либо эскорт высшей категории, либо криминал. Но фраза "Интим исключен контрактом" интриговала. Юридическая оговорка такого рода стоила дорого — значит, заказчик юрист или имеет хороших юристов. Значит, есть бюджеты.

Она перечитала текст еще раз. "Актриса драматического плана". Им нужны нервы. Нужна подлинность. То, чего у нее сейчас в избытке.

Ева открыла мессенджер. Создала новый диалог с неизвестным номером.

Положила пальцы на экран. Замерла.

Что писать? "Здравствуйте, я безработная алкоголичка, возьмите меня"?

Нет. Никаких просьб. Только предложение товара. Она — товар. Высококачественная драма в красивой оболочке.

Она стерилизовала эмоции. Вспомнила уроки сценической речи. Четкая дикция. Отсутствие лишних слов.

Набрала текст:

*«Добрый вечер. Отклик на объявление о конфиденциальном проекте. Образование: РУТИ-ГИТИС, курс Хейфе

«Добрый вечер. Отклик на объявление о конфиденциальном проекте. Образование: РУТИ-ГИТИС, курс Хейфеца (незаконченный). Опыт работы: независимый театр "Синтез", иммерсивные постановки, уличный интерактив. Навыки: физическое владение телом, контроль микромимики, работа с болью как инструментом выразительности. Рост 172 см, размер одежды 42. Готова к подписанию NDA любой степени жесткости и прохождению полиграфа. Главное условие работодателя — отсутствие интима — полностью соответствует моим профессиональным границам. Оплата только по безналичному расчету или наличными из рук в руки. Фото в профиле актуальное. Жду тестового задания».

Она перечитала сообщение трижды. Текст звучал холодно, почти надменно. Идеально. Человек, способный писать так после дня в костюме панды и удара самокатом по колену, не сломается от вида чужой крови или чужих миллиардов.

Ева нажала «Отправить».

Сообщение ушло. Галочка стала синей. Две синие галочки появились через сорок секунд. Прочитано мгновенно. Ответа не последовало.

Ева погасила экран телефона, чтобы сэкономить заряд, и откинулась на подушку. Алкоголь окончательно выветрился, оставив после себя тяжелую голову и сухость во рту. Она закрыла глаза. Сон пришел внезапно, ударив черным мешком на голову, словно сработал рубильник аварийного отключения питания организма.

Часть 5. Анатомия звонка (Время: 08:13)

Будильника не было. Еву разбудил звук входящего сообщения. Телефон вибрировал беззвучно прямо у ее щеки, грозя свалиться на грязный пол.

Она схватила его трясущимися со сна пальцами. Экран показывал 08:13. Заряд — один процент. Последняя искра жизни перед цифровой смертью.

Сообщение висело в самом верху. Чат без названия. Аватарка — серый силуэт человека.

«Собеседование сегодня. 11:00. Кафе "Пушкин" на Тверском бульваре. Столик на имя господина Орлова. Дресс-код: строгий деловой. Черное. Закрытое. Макияж минимальный. Нейтральный маникюр. Опоздание более чем на три минуты аннулирует заявку. Не пытайтесь взять с собой диктофон или второй телефон — рамки металлодетектора на входе.»

Ни здравствуйте, ни до свидания. Сухой протокол инструктажа спецагента. Или жертвы, которую ведут на убой. Ева села на кровати. Сердце пропустило удар, а затем забилося быстро-быстро, гоняя дешевое вино по венам. Головная боль накатила тяжелой волной.

Кафе «Пушкин». Самое туристическое, самое дорогое, самое пафосное место в Москве. Где чашка эспresso стоит как билет в плацкарт до дома. Место, куда приходят делать предложение руки и сердца дочери нефтяника или закрывать сделки на миллионы долларов.

И он хочет видеть ее там. В роли кого? Подозреваемой? Актрисы на прослушивание? Девушки по вызову для очень специфических фантазий?

Ева встала. Прошлепала босиком в ванную. Умылась ледяной водой, глядя на свое отражение. Лицо серое, помятое. Глаза красные. Под левым глазом наливался роскошный фингал цвета индиго — привет от того самого самоката. Скрыть такой гримом невозможно. Можно лишь отвлечь внимание.

Один процент заряда. Нужно действовать быстро.

Она вернулась в комнату. Открыла шкаф. Точнее, открыла створку, за которой на гвоздях висела вся ее жизнь.

Черное платье-футляр. Куплено три года назад на выпускной в институте. Тогда оно казалось ей символом взрослости. Сейчас ткань предательски натянулась на груди и угрожающе затрещала в швах на бедрах — похудела она знатно. Но вариантов нет. Это единственное, что хотя бы отдаленно напоминало «строгий деловой» стиль.

Черные лодочки. Каблук семь сантиметров. Колено взвывает от боли уже через час, но кроссовки исключены дресс-кодом.

Вместо белья — черный спортивный топ. Бюстгалтеры давно протерлись до дыр, а тратить деньги на поролон смысла нет.

Она оделась. Посмотрела на ноги. Фингал. Он светится в темноте ярче фонаря. Любой охранник на входе в «Пушкин» остановит ее еще на лестнице.

Ева подошла к зеркалу. Прищурилась. Достала косметичку — пластиковую коробку из-под монпансье. Пудра, тушь, гигиеническая помада.

Она выдавила немного плотного театрального консилера на палец. Оттенок был слишком светлым, выбеливающим. Отлично.

Она густо нанесла белую массу под левый глаз, растушевала границы. Затем взяла темно-коричневые тени для век. Аккуратно, тонким слоем, покрыла белый участок. Создала эффект глубокой гематомы, уходящей в тень. Сверху прошла пудрой. Издалека это выглядело как игра света и тени, подчеркивающая скулу. Вблизи — как свежий бланш. Но главное — теперь это не бросалось в глаза как кричащее пятно дешевой краски. Теперь это выглядело... драматично. Интригующе. Как деталь образа роковой женщины, попавшей в аварию накануне важной сделки.

Девять утра. Заряд все еще один процент. Шанс успеть собраться и поймать связь есть.

Ева достала сумку. Старую кожаную сумку-мессенджер, найденную на барахолке. Проверила паспорт. Деньги — ноль. Метро придется бежать зайцем снова. Если поймают — штраф пять тысяч. Таких денег нет даже в теории. Значит, нужно проскочить на адреналине.

Она последний раз оглядела квартиру. Куча хлама, плесень в углу, запах сырости.

— Прощай, желтый ад, — сказала она стене. — Либо я вернусь отсюда с деньгами на капитальный ремонт твоей плесени, либо меня найдут в Москва-реве с цементом в карманах. Ставлю на первый вариант.

Она вышла, щелкнув замком.

****Часть 6. Архитектура лжи (Время: 10:45)****

До кафе «Пушкинъ» она добралась ровно в 10:58. Последние сто метров пришлось идти пешком быстрым шагом — каблучки вязли в решетке ливневки, колено стреляло огнем при каждом шаге, а легкие горели от нехватки никотина.

Метро стало отдельным кругом ада. На «Китай-городе» полиция перекрыла переход для какого-то чиновника. Пришлось прыгать через ограждение. Полицейский свистнул, рванул за ней, но Ева нырнула в толпу туристов с фотоаппаратами, потеряла его из виду и вылетела на поверхность, хватая ртом воздух.

Здание кафе встретило ее имперским размахом. Охранник в идеально сидящем костюме скользнул по ней взглядом. Задержался на лице. Оценил искусно сделанный «синяк», дорожку (на вид) ткань платья, осанку. Профессиональный сканер определил статус: «Проблемная дамочка богатого папика / Журналистка скандального глянца». Пропустил. Брежнево, но пропустил.

Внутри пахло старым деревом, воском и большими деньгами. Интерьер начала XIX века: лепнина, тяжелые шторы, официанты в сюртуках. Контраст между этим великолепием и запахом пота, ввевшимся в кожу Евы после вчерашнего костюма панды, был настолько абсурдным, что ей захотелось рассмеяться в голос.

Мэтр, похожий на вышедшего на пенсию аристократа, смерил ее цепким взглядом.

— Вы к господину Орлову?

— Да, — голос Евы прозвучал ровно. Горло пересохло. — На одиннадцать.

— Вас проводят.

Ее провели через анфиладу залов в дальний кабинет, отделенный от общего пространства тяжелыми дубовыми дверями. За столом сидел мужчина.

Он поднял голову от экрана ноутбука, когда она вошла. И время вокруг Евы Лавровой остановилось.

Это был хищник совершенно иного порядка, нежели Артур или Виталик. Те были шакалами, питающимися падалью чужих надежд. Этот был белым медведем. Огромным, опасным, находящимся на вершине пищевой цепи просто по праву рождения.

На вид ему было около сорока. Резкое, будто вырубленное из камня лицо. Высокие скулы, жесткий рот, который привык отдавать приказы, а не улыбаться. Глаза редкого, прозрачного серого цвета. Взгляд этих глаз физически давил на грудную клетку, лишая возможности сделать полный вдох. Одет он был в безупречно скроенный темно-серый костюм-тройка. Никаких лишних деталей. Никакого золота. Только тяжелый платиновый зажим для галстука и часы, стоимость которых равнялась бюджету театра «Синтез» на год.

Но самым страшным была не одежда. Была абсолютная тишина, которая исходила от него. Он не сутился. Не проверял телефон. Он просто смотрел на нее, и пространство комнаты послушно замирало, подчиняясь гравитации этого человека.

— Садитесь, — сказал он. Голос был низким, бархатным, с легкой хрипотцой. Звук дорогой стереосистемы. — Время вышло две минуты назад. Я ценю пунктуальность.

— Трамвайные пути ремонтируют, — ответила Ева, опускаясь в массивное кожаное кресло напротив него. Кресло попыталось поглотить ее целиком, но она заставила спину оставаться прямой, как струна. — Хорошее начало собеседования с обвинений, господин... Орлов?

Она намеренно сделала паузу, ставя под сомнение его псевдоним. Легкий укол шпагой, проверка реакции.

Мужчина едва заметно приподнял бровь. Уголок его губ дернулся в подобии усмешки, которая не затронула глаз. Глаза остались мертвым льдом.

— Ваша биография впечатляет меньше, чем ваше резюме, госпожа Лаврова, — он положил руки на стол, сцепив пальцы в замок. — Незаконченное высшее. Долги перед учебным заведением. Увольнение по статье «прогул» из трех последних мест работы аниматором. Текущая задолженность за аренду жилого помещения — четырнадцать тысяч рублей. Кредитная история испорчена просрочкой по карте «Тинькофф» на сумму восемьсот рублей. И свежая травма мягких тканей лица, которую вы пытались скрыть театральным гримом крайне низкого качества.

Ева почувствовала, как кровь отливает от лица. Холод прокатился от затылка к пяткам. Он знал всё. Буквально всё. До копейки. До размера мозоли на пальце от ручки.

— Мои долги — это мои проблемы, — процедила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Вы пригласили меня оценивать мой баланс кредитной истории или актерские навыки?

— Я пригласил вас оценить вашу честность, — он наклонился вперед. Теперь их разделяло меньше метра. Ева ощутила запах его парфюма — озон, дорогой табак и что-то металлическое, холодное. — Вы солгали мне в первом же сообщении. Написали, что готовы к любым проверкам. Но пришли сюда с телефоном, который забыли выключить. Геолокация вашего устройства последние два часа рисует карту ваших отчаянных попыток избежать встречи с судебными приставами в районе Таганки. Вы плохой лжец, Ева. Ваше тело кричит о страхе громче, чем ваш текст кричит об уверенности.

Она сглотнула ком в горле. Всё кончено. Шантаж разоблачения, угрозы агенту Сергею, выселение. Он знает, где она живет. Знает, насколько она ничтожна.

— Что вам нужно? — тихо спросила она. Впервые за весь разговор маска профессионализма дала трещину. В голосе прорвалась чистая, животная усталость. — Если вы из коллекторского агентства, говорите сразу. Сколько я должна вашему боссу? Забирайте костлявое мясо, делайте из него фарш, оставьте мою мать в покое.

Мужчина долго молчал. Изучал ее. Его взгляд прошелся по ее лицу, задержавшись на фальшивом синяке, спустился к шее, к ключицам, к сцепленным на коленях рукам. Он видел каждый миллиметр ее паники.

— Я не коллектор, — наконец произнес он. — Я девелопер. Строю жилье. Много жилья. Для людей, которые боятся вкладывать деньги в бетон, если застройщик выглядит недостаточно стабильным.

Он взял со стола пульт, включил встроенный в стену монитор. На экране появилось изображение другого мужчины. Максим Воронов. Тот самый холодный бог из башни «Федерация», которого Ева видела вчера мельком в новостях по телевизору в витрине магазина.

— Мой партнер и основной акционер считает, что главный архитектор империи стоимостью в сотни миллиардов должен быть женат. Патриархален. Предсказуем. Наличие жены успокаивает банкиров. Женатый человек сидит в ловушке обязательств. Ему можно доверить десять миллиардов ипотеки.

Ева слушала, пытаясь сопоставить факты. Девелопер. Жена. Десять миллиардов. Мозги отказывались работать.

— Причем здесь я? — выдохнула она. — Хотите посоветовать ему брачное агентство? У меня плохая кредитная история, я не умею печь шарлотку и разговариваю матом. Ваш партнер сбежит через пять минут разговора.

— Мне не нужна жена для любви, Ева, — он впервые позволил себе легкую, циничную ухмылку. — Мне нужен бронежилет. Временный контракт. Срок — два года. Регистрация брака в ЗАГСе. Совместные выходы в свет. Демонстрация глубокого семейного счастья для прессы и совета директоров. Через два года — тихий, цивилизованный развод. Алименты прописываются фиксированной суммой, не привязанной к прибыли, чтобы исключить шантаж.

Ева смотрела на него, чувствуя, как реальность плывет. Это сон. Абсурдный, кафкианский сон. Ее, женщину с фингалом и долгом за коммуналку, снимают на роль миссис миллиардер.

— Вы псих, — констатировала она. — Клинический. Вам нужны ролевые игры? БДСМ-сессии с элементами свадебной церемонии?

— Мне нужно, чтобы совет директоров утвердил проект «Семейный квартал» завтра утром, — отрезал он. Голос стал стальным. — Моя личная жизнь никого не касается, пока она не начинает генерировать репутационные риски. Холостой кобель пугает ипотечников. Семейный тиран вызывает доверие. Вопрос цены, госпожа Лаврова. Чистая математика выживания.

Он выдвинул ящик стола. Достал тонкую синюю папку. Положил перед ней.

— Проект брачного договора. Ознакомьтесь. Юристы оставили поля для подписи. Там прописано всё. Запрет на беременность под угрозой штрафа в пять миллионов долларов. Запрет на общение с прессой. Запрет на смену имиджа без моего письменного согласования. Штраф за попытку завести любовника превышает сумму сделки в десять раз. Документ беспрецедентно жестокий. Читайте внимательно.

Ева открыла папку. Пробежала глазами первые строчки. Юридический язык высокого уровня. Плотность текста такая, что бумага казалась свинцовой.

— Зачем я? — повторила она вопрос, поднимая на него глаза. — В Москве тысячи моделей. Актрис. Светских львиц. Они перегрызут друг другу глотки за этот контракт.

— Модели требуют внимания и начинают верить в свою гениальность, — спокойно ответил он. — Актрисы ломаются на втором месяце, начиная требовать совместных завтраков и духовного единения. Львицы хотят войти в прайд навсегда. Вы единственная, кому плевать на меня. Единственная, кто возьмет деньги и исчезнет в ту же секунду, как штамп позволит забрать ключи от банковской ячейки. Мне не нужен сопливый романтик. Мне нужен титановый сплав отчаяния.

Он встал. Обошел стол. Остановился рядом с ее креслом. Теперь он возвышался над ней, заслоняя свет.

— Ваша мать недавно перенесла операцию на сердце, — тихо сказал он. Ева замерла, перестав дышать. — Кардиостимулятор садится. Врачи городской больницы дают месяц. Частная клиника в Швейцарии готова принять ее завтра утром. Стоимость операции и реабилитации — двести тысяч евро. Плюс новый аппарат, который прослужит двадцать лет. У вас таких денег нет. У вашей матери — тем более. Конкурсный управляющий по делу вашей бывшей фирмы «ТрансЛогистик» готовит ходатайство о вашем привлечении к субсидиарной ответственности. Уголовное дело, Ева. СИЗО номер шесть. Оранжевые робы. Соседки-наркоманки. Срок до семи лет.

Каждый его слово вбивалось в мозг, как раскаленный гвоздь. Он бил точно по открытым ранам. По матери. По тюрьме. По позору.

— Мой договор дает вам иммунитет, — продолжил он. — Миллион долларов США наличными сразу после регистрации брака. Этого хватит закрыть долги фирмы, вытащить вашу задницу из-под уголовной статьи и оплатить матери клинику. Два миллиона после развода позволят вам никогда больше не работать аниматором в костюме пчелы.

Он наклонился ниже. Его дыхание коснулось ее виска.

— Где здесь проституция, Лаврова? Я покупаю ваш интеллект и ваше молчание. А внешность идет бесплатным приложением. Выбирайте. Ваше чистоплюйство против жизни вашей матери. Очень простая математика выживания.

Ева закрыла папку. Пальцы дрожали. Она медленно подняла голову. Посмотрела в его серые, абсолютно пустые глаза.

Вся ее гордость, все ее принципы, вся ненависть к фальши, ради которой она жила — всё это сейчас лежало на одной чаше весов. На другой — пульс кардиостимулятора Марии Ильиничны.

Гордость всегда хорошо кормит тех, у кого есть запас прочности. У Евы запаса не осталось. Остались только кости и злость.

— Кот, — прохрипела она.

Мужчина моргнул. Непредсказуемость вопроса сбила его настройки.

— Что кот?

— Барс. Девять лет. Кастрирован. Болеет мочекаменной болезнью. Ест Royal Canin. В договоре ничего не сказано о животных. Я не оставлю его в пустой квартире на растерзание вашим грузчикам. Он едет со мной. В резиденцию. С полным ветеринарным обеспечением за ваш счет. И лоток будете чистить сами, раз вы такие педанты.

Она блефовала. Ей некуда было идти. Ей нечего было терять, кроме кота. Но готовность пожертвовать двумя миллионами долларов ради облезлого животного делала ее непредсказуемой. А значит — интересной.

Мужчина смотрел на нее несколько долгих секунд. В его глазах промелькнуло нечто похожее на человеческое удивление. Почти уважение.

— Хорошо, — кивнул он. — Пункт внесут дополнительным соглашением. Корпорация берет на себя расходы по содержанию всех биологических активов. Включая Барса и фикус, если он у вас есть.

— Договорились, — Ева протянула руку. Рука дрожала. — Когда свадьба?

— Завтра, — ответил он, пожимая ее ладонь. Хватка у него была железной. — В девять утра нотариус. В десять — медицинский чекап. Справки для ЗАГСа должны быть датированы

сегодняшним числом. После обеда мы едем в клинику к вашей матери. Вы скажете ей, что выиграли в лотерею. Или что вышли замуж за банковского служащего. Мне плевать. Главное — она должна увидеть счастье. Эндорфины ускоряют регенерацию тканей. Поняли задачу?

— Я плохой лжец, — напомнила она.

— Сегодня научитесь, — он выпрямился, разрывая контакт. — Машина ждет внизу. Водитель знает адрес клиники. Ваши вещи соберет моя служба протокола. Ничего не пропадет. Даже книги вашей бабушки. Присвоим инвентарные номера. Вперед, миссис Воронов. Нас ждет новая жизнь. Надеюсь, она воняет меньше, чем подвальный театр.

Он развернулся и пошел к выходу из кабинета. Ни разу не обернувшись. Высший пилотаж манипуляции — оставить жертву одну с предложением, которое звучит как спасение, дать иллюзию выбора.

Ева осталась сидеть. Взяла со стола стакан воды. Зубы стучали о стекло. Она сделала жадный глоток.

Затем встала. Поправила платье. Расправила плечи. Стерла с лица остатки страха.

Она посмотрела на свое отражение в черной поверхности монитора. Растрепанная невеста сатаны.

Завтра приезжает фотограф из «Vogue». Ей предстояло сыграть роль счастливой дуры. Роль, которую она только что блестяще прошла на самом главном зрителе своей жизни.

Ева вышла из кабинета. Охрана сомкнула строй.

Сделка состоялась. Механизм судьбы сделал первый тяжелый оборот.

Глава 4: Столкновение

Часть 1. Геометрия падения (Время: 17:23)

Максим Воронов вышел из башни «Федерация» ровно в 17:20. Воздух на высоте птичьего полета, где располагался зал заседаний совета директоров, всегда казался ему разреженным — не из-за кондиционеров, а из-за концентрации чужих амбиций и плохо скрываемого страха. Встреча по проекту «Тихая Гавань» прошла успешно юридически, но провально психологически. Акционеры смотрели сквозь него, пытаясь разглядеть за его спиной призрак Анны Сабуровой — слишком умной, слишком острой женщины, которая сегодня утром перевернула их представление о том, кто должен сидеть справа от владельца корпорации.

Он спустился по гранитным ступеням служебного входа. Леонид, начальник смены охраны, уже держал дверь черного Rolls-Royce Phantom открытой. Максим занес ногу над порогом, но остановился. Ему требовалось три минуты абсолютной тишины, чтобы сбросить с плеч вес двенадцати пар глаз, буравивших его затылок.

Вместо салона лимузина он подошел к высокому парапету набережной.

Москва дышала осенью. Ветер нес запах реки, остывающего асфальта и выхлопных газов Садового кольца. Солнце висело низко, окрашивая стеклянные фасады Сити в цвет расплавленного золота. Максим смотрел на город не как девелопер, оценивающий ликвидность квадратных метров, и не как хищник, охраняющий территорию. Он смотрел на него как архитектор смотрит на сложный чертеж — видя скрытые коммуникации, напряжения в конструкциях и точки потенциального обрушения.

В пятнадцати метрах от него, прямо у подножия туристической лестницы, разворачивалось уличное шоу. Четверо молодых людей в черной одежде изображали механические часы. Они двигались рывками, синхронно поднимая руки-стрелки, издавая монотонное «тик-так». Публика — случайные прохожие, зеваки с мороженым и стайка подростков со штативами — снимала действо на телефоны. Это был стандартный городской шум, бесплатный аттракцион для тех, кому нечего делать вечером в среду.

Но среди актеров выделялась одна девушка. Она стояла чуть в стороне от основной группы, играя роль маятника. На ней был огромный костюм пчелы — бесформенный ком синтетического меха кислотно-желтого и черного цветов. Голова-шлем съехала набок, обнажая потную прядь темных волос. Движения ее были резки, почти агрессивны. Если остальные участники перформанса пытались продать зрителям дешевую радость, то эта девушка продавала угрозу. Каждый взмах ее свободной руки рассекал воздух с такой силой, словно она пыталась пробить невидимую стену или разрубить собственные оковы. Это была не актерская игра. Это был выброс чистой физиологической агрессии, замаскированный под искусство.

Максим собирался отвернуться и сесть в машину. Этот спектакль бедности раздражал его так же, как дешевые искусственные цветы в холле больницы. Но что-то заставило его задержать взгляд. Возможно, абсолютная неуместность этой ярости на фоне глянцевої сытости окружающих башен. Или диссонанс между нелепым желтым мехом и той первобытной точностью, с которой это тело владело пространством.

Девушка-маятник сделала слишком резкий выпад вперед, выходя за пределы очерченного мелом круга. Ее нога поскользнулась на мокром граните брусчатки. Костюм пчелы перевесил, нарушив центр тяжести, и она полетела вниз, прямо на камни.

Падение выглядело болезненным, лишенным всякой грации каскадеров. Она приземлилась на колени, шлем глухо ударился о мостовую. Музыка маленького бумбокса оборвалась на полноте. Остальные актеры бросились к ней, но она оттолкнула протянутую руку еще до того, как успела встать. Резким, дерганным движением сорвала с головы пластиковое забрало, жадно хватая ртом воздух.

Их взгляды пересеклись через расстояние в десять метров, разделенные полосой дороги, шумом толпы и сизым маревом выхлопов.

Ева Лаврова видела перед собой безупречный силуэт мужчины в темно-сером костюме-тройке ручной работы. Дорогая шерсть ловила последние лучи солнца, создавая вокруг фигуры едва заметное сияние. Лицо казалось высеченным из мрамора — высокие скулы, жесткий рот, который никогда не знал расслабленной улыбки, глаза цвета мокрой гальки. От него исходила такая волна власти, холода и стерильности, что Еве физически стало трудно дышать. Для нее этот человек был воплощением всего мира, которому плевать на ее разбитые коленки, долги за свет и мать, умирающую в облезлой кардиологии. Идеальная машина для генерации презрения.

Для Максима Воронова эта секунда растянулась в полноценную аналитическую сессию. Его мозг работал быстрее любого процессора, сканируя объект. Он считывал микромоторику лица девушки-подростка. Под левым глазом, приглушенный дешевым театральным консилером оттенка «слоновая кость», расплывался свежий гематома. Желтовато-фиолетовое пятно было наложено поверх старого, уже сходящего синяка. Челюсти сжаты так, что желваки ходили ходуном даже на таком расстоянии. Губы искушены в кровь. Но больше всего его поразило

несоответствие деталей: дешевые ботинки Dr. Martens стояли в грязной луже, плечи развернуты под идеальным углом сопротивления законам физики, а во взгляде нет ни капли унижения просительницы. Только чистая, дистиллированная ненависть человека, которого только что публично унизили гравитация и обстоятельства.

Она поднялась на ноги одним рывком, игнорируя очевидную боль в правом колене. Смотрит ему прямо в глаза, вытирает грязной перчаткой пыль со щеки и, чеканя шаг, уходит с импровизированной сцены, даже не наклонившись за пластиковым стаканчиком с мелочью, брошенным кем-то из зрителей.

Максим остался стоять у парапета. Механизм внутри него дал сбой. За двадцать лет в бизнесе он научился читать людей как открытые книги балансов. Эта девушка ломала все алгоритмы. Человек в ее положении — упавшая, проигравшая битву актриса в вонючем костюме насекомого — должен вызывать жалость или брезгливость. Она вызвала тревогу. Тревогу коллекционера, нашедшего редкий экземпляр жука, который не значится ни в одном справочнике.

Его водитель Леонид деликатно покашливает рядом, напоминая о машине. Максим качает головой. Впервые за долгое время древний, животный импульс оказывается сильнее холодного расчета. Он перешагивает невысокий гранитный барьер и направляется туда, где скрылась девушка.

****Часть 2. Анатомия тупика (Время: 17:26)****

Ева шла быстро, прихрамывая на правую ногу. Боль пульсировала от колена вверх, отдаваясь в поясницу. Куртка распахнута, под ней черная водолазка с растянутым воротом, впитавшим запахи трех смен в торговом центре. Ей нужно добраться до переулка, снять этот желтый мешок с крыльями и успеть на метро до закрытия пересадочного узла на Таганской. Мысль о том, что придется ехать зайцем, снова скручивает желудок голодным спазмом — пятерку, выданную Артуром, она потратит на лапшу, иначе завтра просто не хватит сил открыть глаза.

Она сворачивает в узкий проход между старым доходным домом начала прошлого века и стеклянным новоделом бизнес-центра. Переулок тупиковый, заваленный строительными контейнерами и старыми мусорными баками. Здесь пахнет сыростью, кошками и безнадежностью. Идеальное место, чтобы перевести дух.

Она слышит стук каблучков за спиной. Твердый, уверенный ритм дорогих туфель по брусчатке. Звук эхом отражается от стен. Ева не оборачивается. Инстинкт самосохранения заставляет ее ускориться, пока она не упирается спиной в холодный кирпич стены тупика. Бежать некуда.

— Проблемы? — спрашивает она, не поворачивая головы. Голос звучит низко и хрипло, остатки сценической дикции работают лучше любой брони. — Если ты из агентства «Праздник-Маркет», Виталику уже передали, что я уволилась. Можешь забрать свой желтый мешок дерьма обратно и засунуть себе в...

Мужчина останавливается в трех шагах от нее. Солнечный свет падает из двора-колодца под таким углом, что он остается в густой тени, а она — освещена полностью, выставлена на витрину собственной нищеты. Каждая деталь ее убожества теперь подсвечена прожектором: нитка, торчащая из шва джинсов, грязь под ногтями, лихорадочный блеск в глазах, выдающий дозу дешевого вина, принятую полчаса назад на пустой желудок.

— Я не из агентства, — говорит мужчина. Его голос заполняет тесное пространство, вытесняя звуки города. Низкий баритон вибрирует на частоте, вызывающей резонанс в грудной клетке. — Вы упали на моих глазах. Колено цело?

Ева наконец поворачивается. Адреналин схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и желание вцепиться ему в лицо. Ее губы кривятся в презрительной усмешке, обнажая краешек верхнего зуба, отколовшегося год назад о сухарь.

— А вам какая разница? Хотите оплатить рентген частной клинике? Запишите на мой счет благотворительности. Номер карты скинуть эсэмэской? Или предпочитаете наличные, господин филантроп?

— Хочу понять логику разрушения, — спокойно отвечает он, делая еще один шаг вперед. Теперь их разделяет меньше метра. Пространство мгновенно наполняется запахом его парфюма — озон, дорогой кубинский табак и что-то металлическое, холодное, похожее на запах хирургических инструментов. — Ваше падение было самым честным моментом во всем представлении. Остальное — фальшивка. Зачем вы пытаетесь играть радость, когда хотите убивать?

Ева замирает. Вопрос попадает точно в нерв, вскрывая черепную коробку. Никто никогда не смотрел так глубоко. Обычно люди видели либо актрису-неудачницу, попрошайничающую на хлеб, либо сумасшедшую. Этот видел механизм. Читчик кода.

— Потому что за убийство меня посадят, а за плохой перформанс просто не заплатят, — огрызается она, инстинктивно отступая на полшага, пока лопатки не впечатываются в шершавый кирпич стены. — Уйдите. Вашей тенью солнце загораживаете.

Максим наклоняет голову. Уголок его губ едва заметно дергается. Это не улыбка, это фиксация уязвимости противника в прицеле.

— Солнце сегодня тусклое. Оно не стоит вашего внимания. Кто вас ударил? — кивком указывает он на ее лицо.

— Ребенок восьми лет. Самокат. Родители стояли в десяти метрах и снимали сторис про полезный йогурт, — выплевывает Ева. Ей хочется провалиться сквозь землю, раствориться в кирпичной крошке. Гранит этого миллиардера давил на психику сильнее, чем физическая усталость и алкогольный тремор. — Послушайте, гражданин... Воронов. Да, я смотрела новости. Башни, бетон, миллиардные иски экологов. Идите спасать свою империю, оставьте мне мою помойку.

Она отталкивается от стены, намереваясь пройти мимо него. Делает резкое движение вправо, пытаясь обогнуть препятствие. В этот момент поврежденное колено окончательно отказывает. Сустав предательски подламывается, блокируя опору. Связки, натянутые как струны, посылают в мозг сигнал слепящей боли.

Ева начинает заваливаться назад. Инстинкт выживания кричит ей сгруппироваться, перекатиться, спасти голову, но асфальт внизу выглядит слишком твердым, а лужа у бака пахнет гнилью. Время замедляется. Сейчас она рухнет лицом в грязь, окончательно уничтожив остатки собственного достоинства, которое берегла годами.

Рука Максима выстреливает вперед быстрее мысли. Он не касается ее тела бережно. Жестко фиксирует плечо чуть выше локтя, используя инерцию ее падения, чтобы перенаправить вектор движения. Толчок получается сильным, почти грубым, рассчитанным на нейтра-

лизацию угрозы. Ева врзается в его грудную клетку. Твердая, как обитая кожей стена банковского хранилища.

Воздух выбивает из легких. Несколько секунд они стоят так, неловко сцепившись посреди грязного переулка. Руки Евы впиваются в лацканы его пиджака чисто рефлекторно, ища точку опоры в рушащемся мире. Максим чувствует дрожь, сотрясающую ее тело — адреналиновый отходняк после столкновения с землей и крушением иллюзий контроля.

****Часть 3. Когнитивный диссонанс (Взгляд Евы)****

Для Евы Лавровой этот физический контакт равен катастрофе вселенского масштаба. Тепло его тела сквозь тонкую ткань белоснежной рубашки обжигает кожу. От него исходит запах чистоты, власти и чего-то химического, стерильного. Так пахнут операционные блоки частных клиник или новые автомобили премиум-класса, стоящие в салоне под пленкой.

Она зажата между стеной и этим человеком. Бежать невозможно. Орать бесполезно — переулок звукоизолирован высокими стенами, здесь никто не услышит криков, кроме крыс.

Ева поднимает голову, чтобы выдать очередную порцию яда, способного прожечь дыру в титане, и встречается с ним глазами.

И понимает, что пропала окончательно. Дело не в красоте. Красота субъективна, ее можно списать на оптику или освещение. Дело в тотальной завершенности этого человека. В нем нет изъянов. Ни физических, ни социальных. Он настолько выше ее пищевой цепочки, что любая попытка укуса будет выглядеть комично, как попытка хомяка перегрызть кабель ЛЭП.

В его серых глазах нет похоти. Нет праздного любопытства богатого скучающего господина, решившего подобрать уличную кошку ради развлечения. Там вообще ничего нет. Пустота идеально структурированного банковского хранилища. Он оценивает ее не как женщину, не как человека. Как переменную в сложном уравнении. И самое страшное — Ева чувствует всей своей сутью, что уравнение решается в ее пользу, хотя она понятия не имеет, какие цифры подставлены вместо икса.

— Отпустите, — шепчет она. Голос предательски садится, выдавая панику.

— Вы опять падаете, — констатирует он. Хватка на плече чуть ослабевает, пальцы перестают быть стальными клещами, но не исчезают совсем. — Я могу решить ваши проблемы одним телефонным звонком. Все сразу. Театр, аренда жилья, ваше колено, ваша мать.

— У меня нет матери, — врет она на чистом автоматизме, пытаясь удержать последний бастион контроля. Старая привычка актрисы держать лицо, когда декорации горят. — И проблем тоже нет. Есть только временные трудности с кэшфлоу.

— Ваша мать Мария Ильинична принимает «Капотен» горстями, потому что боится открывать конверты со счетами за кардиологию, — ровным голосом сообщает Максим. — Ваши временные трудности включают субсидиарную ответственность по делу банкротства «ТрансЛогистик-Групп». Уголовный кодекс, статья сто пятьдесят девять, часть четыре. До семи лет общего режима. Продолжать список ваших временных трудностей?

Кровь отливает от лица Евы так стремительно, что перед глазами плывут черные точки. Земля действительно уходит из-под ног, но теперь держаться приходится не за стену, а за лацканы его пиджака, сжимая дорогую шерсть побелевшими пальцами. Он знает всё. Буквально всё. Размер ее долга за коммуналку, марку обезболивающего «Нимесил», которым она пыталась снять отек с колена час назад, и диагноз женщины, которую Ева удалила из быстрого набора неделю назад, чтобы не сойти с ума от вины каждый раз, когда та звонит.

— Чего... чего вы хотите? — выдыхает она. Это не вопрос жертвы, это торг.

— Того же, что и вы, — он медленно отпускает ее плечо, но делает шаг вперед, лишая пространства. Подходит вплотную. Теперь она вынуждена задрать голову, чтобы видеть его подбородок. — Выжить. Моя форма выживания требует наличия жены. Ваша — требует отсутствия коллекторов и тюремной баланды. Предлагаю сделку купли-продажи социального статуса.

****Часть 4. Анатомия циника (Взгляд Максима)****

С точки зрения Максима Воронова, ситуация перешла из категории визуального наблюдения в категорию поглощения актива. Девчонка оказалась именно тем титановым сплавом отчаяния, который он заказывал Елене Петровне.

Он ожидал слез, истерики, попыток торговаться за лишние пару тысяч долларов или сохранения остатков гордости ценой потери выгоды. Вместо этого, едва восстановив равновесие, она мгновенно переключилась в режим профессионального юриста. Ложь про отсутствие матери была топорной, но понятной — защитный рефлекс травоядного перед хищником. Как только он предъявил факты, добытые службой безопасности за сорок минут обеденного перерыва, защита рухнула.

Ее вопрос «Чего вы хотите?» прозвучал не как испуг жертвы, а как уточнение условий поставки товара менеджером отдела закупок.

Максим анализирует микромоторику ее лица. Расширенные зрачки выдают шок, пульсирующая венка на шее — начинающуюся паническую атаку. Но кисти рук, вцепившиеся в его одежду, делают это рефлекторно, ища точку опоры в рушащемся мире. Она не просит милостыню. Она подписывает акт приема-передачи самой себя дьяволу, внимательно читая пункты о неустойке.

— Свадьба завтра, — произносит он буднично, словно заказывает столик в ресторане. — В девять утра нотариус. Медицинский чекап в частной клинике на Рублевке. Справки для ЗАГСа должны быть датированы сегодняшним числом.

— Завтра? — сипит Ева. — Вы спятили. Мне нужно вещи собрать. Уведомить агентство. Позвонить соседке насчет кота...

— Никому вы звонить не будете, — отрезает он. Холод в его голосе опускает температуру воздуха в переулке на несколько градусов. — Ваша легенда: внезапный роман. Любовь с первого взгляда. Никакого прошлого, которое можно проверить. Служба протокола уже пакует вашу студию. Ничего не пропадет. Даже книги вашей бабушки получают инвентарные номера. Барс ждет вас в резиденции, ветеринар приедет через час сделать прививки.

Упоминание кота срабатывает как разряд дефибриллятора. Ева резко вскидывает голову. Животный страх за единственное существо, которое она не предавала и не использовала, пробивает броню ее апатии.

— Что с Барсом?! — рычит она, теряя человеческий облик и превращаясь в дикую кошку, защищающую потомство. — Только троньте моего кота, Воронов, и ваш хваленый брачный договор станет туалетной бумагой! Он ест Royal Canin Urinary! Раз в месяц нужны платные анализы мочи, иначе кристаллы забьют уретру!

Максим позволяет себе едва заметный кивок. Реакция идеальна. Человек, готовый потратить миллионы долларов ради облезлого животного с мочекаменной болезнью, предсказуем в своих привязанностях и абсолютно надежен в рамках контракта. Эмоциональный крючок насажен намертво.

— Корпорация берет на себя расходы по содержанию всех биологических активов, находящихся в вашем владении на момент подписания, — подтверждает он. — Включая Барса и фикус, если он у вас есть. Лоток чистить самому мне некогда, найму персонал. Успокоились?

Ева тяжело дышит, глядя на него снизу вверх. Изломанная, грязная, с размазанным гримом, имитирующим модный макияж, она сейчас выглядит более настоящей, более живой, чем фарфоровая кукла Алиса Измайлова, образ которой Максим примерял вчера. От Евы пахнет улицей, вином и правдой.

— Где подписать? — наконец сдавленно спрашивает она.

— Сначала мы едем в клинику. Навестить маму, — командует Максим, отстраняясь и возвращая профессиональную дистанцию. — Потом к нотариусу. После — ко мне в резиденцию. У вас тридцать секунд на принятие вертикального положения и избавление от жестикуляции загнанного зверя. Нам предстоит ужин с моими акционерами через сорок восемь часов. Штейн ненавидит сутулых.

****Часть 5. Симбиоз паразита и хозяина****

Максим отстраняется. Достает из внутреннего кармана плоскую металлическую фляжку. Откручивает крышку тяжелым, уверенным движением. Пахнет дорогим коньяком.

— Глотните. Один раз. Для смазки шестеренок. Иначе ваше лицо развалится на сцене раньше времени.

Ева мотает головой. Берет фляжку сама. Руки все еще ходят ходуном мелкой дрожью. Она делает крошечный глоток. Спиртное обжигает пустой желудок, теплой волной сметая рваный тремор пальцев. Возвращает способность фокусировать взгляд.

— Я ненавижу вас, — честно сообщает она, возвращая металлический цилиндр. Металл еще хранит тепло ее губ.

— Это замечательно, — соглашается Максим. — Любить друг друга нас никто не обязывал. Ненависть держит в тонусе лучше, чем благодарность. Она исключает стокгольмский синдром и гарантирует чистоту сделки.

Он достает из кармана брюк черный смартфон последней модели. Набирает номер, не отрывая от нее тяжелого взгляда.

— Леонид. Объект подобран. Подгоняй машину к выезду из переулочка, сектор Б. Вызови клининг в особняк в Серебряном Бору, там пахнет одиночеством и старой мебелью. Закажи еду. Крабы, стейки. Без изысков. И отправь юристов к застройщику «Горизонт», Сабурова должна выйти сухим из воды к вечеру. Да, фамилия объекта — Лаврова. Пока Лаврова.

Убирает телефон. Смотрит на Еву сверху вниз, оценивая масштаб катастрофы ее внешнего вида.

— Первое правило нашей сделки, — говорит он тихо, нависая над ней снова, сокращая дистанцию до интимной. — Никогда не смотри на меня как на спасителя. Я не архангел Гавриил. Я генеральный подрядчик твоего спасения. Ты — исполнитель работ. Любой саботаж карается штрафом. Поняла задачу?

Ева проводит ладонью по лицу, стирая остатки дешевого консилера вместе с человеческим выражением усталости. Под слоем грязи и алкоголя проступает нечто новое. Жесткость. Принятие правил игры, какими бы безумными они ни казались.

— Поняла, начальник, — хрипит она, выпрямляя спину. Боль в колене пронзает ногу раскаленным шилом, но она не поддается. — Когда приступать к мытью посуды?

— Сразу после регистрации брака, — уголки губ Максима впервые за день изгибаются в намеке на настоящую, живую улыбку. — Репетиция начинается сейчас. Улыбнись мне, Ева. Так, будто твой личный сорт героина — это семейное благополучие.

Ева закрывает глаза. Делает глубокий вдох носом, выдох ртом. Старый студенческий трюк, помогающий войти в роль перед выходом на сцену, когда тебя трясет от голода. Вспоминает не боль, не долги, не желтую синтетику костюма пчелы. Вспоминает сумму — две-сти тысяч евро. Кардиостимулятор Siemens нового поколения. Тихий, сухой кашель матери по утрам в их кухне в Вышнем Волочке.

Открывает глаза. Страх никуда не делся, он просто лег на дно сознания толстым слоем. Поверх него натянута маска.

Губы смягчаются. Взгляд теплеет ровно на два градуса Цельсия. Появляется ямочка на правой щеке — легкая, почти незаметная асимметрия, которая стоит дороже любых уроков актерского мастерства в Щуке. Она выглядит как женщина, которой невероятно повезло встретить мужчину своей мечты в самый темный период жизни.

Идеальный реквизит.

— Так лучше? — тихо спрашивает она.

Максим склоняет голову набок, изучая работу. Профессиональный оценщик доволен результатом.

— Приемлемо. Репетируем походку. Пять метров до конца переулка. Представь, что твои ботинки стоят миллион долларов. Люди любят смотреть, как богачи страдают от качественной обуви.

Он разворачивается и идет к выходу из тупика. Не оборачиваясь, уверенный, что инструмент следует за ним.

Ева Лаврова делает первый шаг. Каблук старого Dr. Martens глухо ударяет по мокрому асфальту. Звук тяжелый, уверенный. Цербер учится носить шпильки.

Сделка состоялась.

****Часть 6. Архитектура лжи (Резиденция в Серебряном Бору. Время: 21:15)****

Дом в Серебряном Бору встретил ее запахом озона и бездушием музея современного искусства. Елена Петровна превзошла саму себя. За те три часа, пока Максим возил Еву к нотариусу, а затем в клинику к Марии Ильиничне, бригада службы протокола превратила жилое пространство холостяка-террориста в декорации для съемок журнала AD Magazine.

Личные вещи Максима — фотографии родителей, старые книги по архитектуре Брутализма, сувениры — исчезли. Их место заняли абстрактные полотна стоимостью в бюджеты развивающихся стран, стеллажи с первым изданиями русской классики в переплетах из кожи угря и вазы династии Мин, которые, скорее всего, были копией из ЦУМа, но выглядели убедительно.

Евину комнату переоборудовали в просторную спальню с видом на сосновый бор. Постельное белье хрустело от крахмала. В кресле лежал кашемировый халат.

На кровати, поверх шелковой простыни, сидел кот. Огромный, рыжий, одноглазый, с разорванным ухом. Настоящий пират, а не изнеженный Барс.

— Пришлось перехватить оригинал по дороге в клинику, — доложила Елена Петровна, возникая в дверях бесшумно, как привидение. — Ваш питомец оказал сопротивление охране и разбил вазу эпохи Цин. Стоимость ущерба удержим из аванса.

Ева упала на колени прямо в пальто. Кот, увидев хозяйку, издал звук, похожий на скрип несмазанной двери, и попытался допрыгнуть до нее, несмотря на капельницу в лапе.

— Бакстер? — прошептала Ева, прижимая тяжелую, пахнущую лекарствами тушу к груди. — Господи, что они с тобой сделали?

— Обработали раны, взяли анализы, поставили катетер, — отчеканила секретарь. — Капельница с физраствором. Через час привезут специальный корм. Распишитесь в акте приемки биологического актива.

Ева гладила кота, уткнувшись лицом в его свалевшийся мех, и беззвучно плакала. Слезы текли по ее щекам, капая на рыжую шерсть. Это были первые слезы за весь день — слезы чистого, незамутненного облегчения. Она дома. Пусть этот дом пахнет чужими деньгами, пусть за стеной спит чужой мужчина, купивший ее право дышать, но ее единственный друг здесь. Он не бросил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.